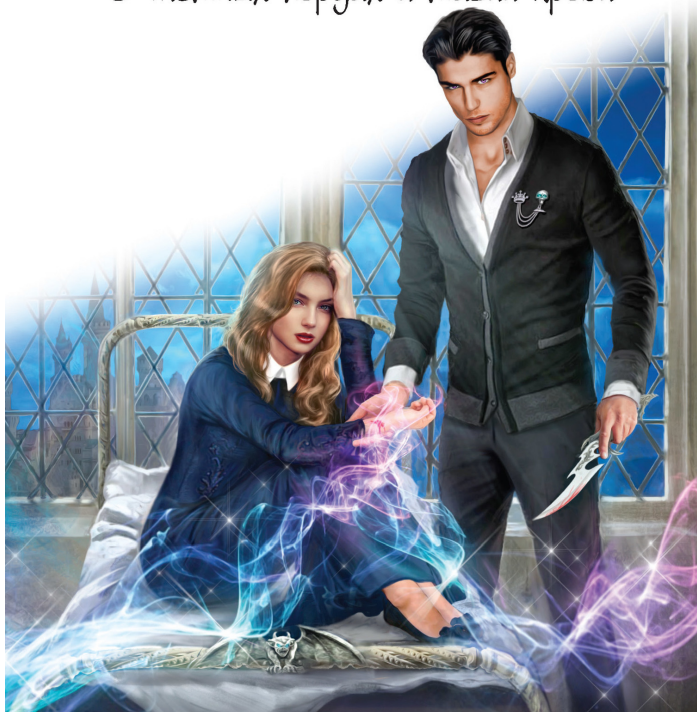

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Мертвые Изры
Книга третья
О темных лордах и магии крови

Елена Звёздная
Мертвые игры. Книга третья.
О темных лордах и магии крови
Серия «Звездное Настроение»
Серия «Мертвые Игры», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29417542

Е. Звездная. Мертвые Игры. Книга третья. О темных лордах и магии крови: ООО «Издательство «Э»; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-089677-6

Аннотация

Мертвые игры все ближе, попытки убить все изощреннее, а секретов открывается все больше... Риа Каро не ожидала, что в ректоре Некроса, лорде Гаэр-аше, пробудится кровь темных, но еще большим сюрпризом становится то, что попытка справиться с выгоранием делает из юной некромантки-артефактора мага Смерти, одного из тех, кто приговорен к уничтожению на территории Четвертого королевства.

А впереди – самое загадочное и прекрасное событие года – бал некромантов, а также разгадка вечной зимы, что окружает Некрос...

Содержание

Глава первая. Новости в гоблинском переводе	5
Глава вторая. Месть работников пера и бумаги	19
Глава третья. Выгорание источника	46
Глава четвертая. Магия крови	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Елена Звездная
Мертвые Игры. Книга
третья. О темных
лордах и магии крови

© Звездная Е., 2018

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018

*** * ***

Глава первая. Новости в гоблинском переводе

Начнем с того, что в ночь после своего дня рождения я толком не спала, потому как в комнате Норта Дастела, официально считающегося моим женихом, бурно обсуждая что-то, угорала со смеху вся команда Некроса по Мертвым играм, а также – я увидела это во время очередного пробуждения – присутствовали Гобби, Пауль и даже Салли.

Мне поучаствовать во всеобщем веселье не дали, отправив спать со словами: «Ты слишком добрая». В чем я добрая и почему мне нельзя было что-то там писать, никто не объяснил. Потом появился еще кто-то, кто не смеялся, а издавал нечто среднее между смехом и воем, похрюкивая при этом. Разлепив веки, узрела нетопыря, заливающего себе в глотку вино прямо из бутылки, и решила, что это уже какой-то кошмарный сон, потому что наяву такого быть точно не может. Как выяснилось – может... В смысле, нетопырь выпил всю бутылку и потребовал еще, причем требовал он громко и настойчиво, удивительно, что все общежитие не перебудил.

В итоге под утро я все же заснула. И не проснулась, даже когда все расходились, двигая стульями и хлопая дверью.

Но нормально выспаться все равно было не суждено.

– Риа, Гаэр-аш вызывает, – мрачно произнес Дан, обна-

ружившийся возле кровати и, кажется, будивший меня уже минут пять.

Одного упоминания ректора хватило, чтобы я мгновенно села на постели. Сонной и помятой мне парень сообщил:

– Гобби твои вещи принес. – Дан и сам выглядел помятым и сонным. – Переодевайся, я... а-а-аэм... в коридоре подожду.

И, продолжая сладко позевывать, вышел.

* * *

Стоя в кабинете ректора, я старательно рассматривала лежащих под его столом гончих, медленно летающих призраков, забитые старинными книгами стеллажи, настолько высокие, что терялись в вышине, и красный, покрытый руническим рисунком ковер. Я вообще готова была рассматривать все, что угодно, только бы не глядеть на главу Некроса. Потому что в ушах все еще звучало его разъяренное: «Не попадайся мне на глаза».

– Итак, – обводя пристальным взглядом нашу невыспавшуюся команду, начал лорд Гаэр-аш, – у нас случился крайне неприятный... – мрачная пауза, – инцидент.

Норт покивал, зевнул и пошатнулся, Эдвин вчера перебрал, сегодня практически дремал на ходу, мы с Даном еще как-то держались, я потому что ночью немного, но спала, а Дан ввиду того, что опирался на Гобби, который, причем

единственный, с подчеркнутым вниманием слушал ректора.

– Кто-то, – лорд Гаэр-аш с нажимом произнес это «кто-то», – споил почтового нетопыря по кличке Молния моим коллекционным вином. Между прочим, в редакции «Армерия сегодня» еще никого и никогда не рвало армерийским красным столетней выдержки! Норт, – взгляд на нашего капитана, – объясни, неужели нельзя было напоить нетопыря чем-нибудь подешевле?

Дастелу, наверное, стоило промолчать, но, разведя руками, он честно ответил:

– Принципиальный попался, и выпил только потому, что от вин столетней выдержки не отказываются.

– Всю бутылку выдул, – поддакнул Дан.

И тут ректор нехорошо прищурился и опасным тоном вопрошал:

– Так, значит, нетопырь выпил всего одну бутылку, так? Остальное *мое* коллекционное вино выпил не он?

Парни переглянулись, затем Норт, насупившись, произнес:

– Все верну.

– Не стоит, – лорд Гаэр-аш презрительно улыбнулся, – я в состоянии приобретать то, что мне требуется, не впадая в такие крайности, как воровство.

Норт побагровел.

Ректор же совершенно без перехода продолжил:

– Спаиванием нетопыря вы, к сожалению, не ограничи-

лись... Видимо, винные пары от коллекционного вина столетней выдержки не позволили, – допустил он язвительное замечание и вернулся к выговору: – Вы написали собственные «новости», закодировали, и в итоге вести из Некроса были опубликованы без проверки редакцией, как сверхважные и достоверные. Кто узнал коды взлома писем?

Все честными невинными глазами смотрели на главу Некроса. Гобби смотрел честнее всех.

– Умертвие, – лорд Гаэр-аш усмехнулся, – ты меня поражаешь.

Гобби стал смотреть еще честнее и невиннее.

– Полагаю, к вашей совести взывать бесполезно? – скорее утверждая, чем спрашивая, произнес ректор.

Естественно, мы промолчали. В среде некромантов с совестью у всех проблемы, а что касается некромантов Некроса, то там вообще все просто: нет совести – нет проблемы.

Гаэр-аш взял со стола одну газету из стопки, что лежала перед ним, и продолжил:

– Вы осознаете, что после таких новостей, как «Дознаватель Нардаш убил себя сам! Реанимировал, а затем снова убил, потому что мазохист основательный», газетчик Нис Грамор потерял работу?

Осознала, кажется, только одна я, и мне очень этого Ниса Грамора стало жалко, а остальным явно нет – парни продолжали безразлично стоять и смотреть на ректора. Некроманты, одним словом. Не зря с некромантами вообще никто

связываться не хочет.

– Или вот. – Глава академии вытащил другую газетенку из вороха. – «Сенсационная биография темной лошадки Мертвых игр! Читайте на четвертой странице!» Открываем страницу, и что мы видим – три слова на весь разворот: «Родилась, училась, победилась». Гобби, что это вообще за слово «победилась»?!

– Ыыы, – ответил мой Гобби.

– Так звучало лучше, – вставил Дан, – и нетопырю больше понравилось.

До меня начало доходить, чем они ночью занимались...

Ректор отшвырнул и эту газету, взял следующую. Прочел. На его скулах проявились желваки, заходили ходуном, после отчетливо послышался скрежет зубов, и глава Некроса поднял злой взгляд на Норта.

– Это что? – прозвучал его ледяной вопрос.

Дастел явно знал, о чем речь, но нагло спросил:

– Что именно?!

– Издеваешься? – вопросом на вопрос ответил Гаэр-аш.

Дастел отвел глаза и стал смотреть себе под ноги. Меня же начало снедать жуткое любопытство и вообще охватило доселе неизведанное желание газеты почитать.

В этот момент в окно что-то ударилось, затем ударилось снова, кажется, не вписавшись в приоткрытую створку. Захлопали крылья, и что-то ударилось вновь. Послышалось недовольное ворчание, после в кабинет ректора через окно

влетел пошатывающийся нетопырь. Магически модифицированная летучая мышь внушительных размеров с ошейником и бляшкой с изображением молнии пьяно икнула, после чего принялась «незаметно» подмигивать всей нашей честной компании обоими глазами. Очень активно подмигивать. Так, что даже слетелись привидения, посмотреть, на что тут вне поля зрения ректора так активно намекают.

– Я уже обо всем осведомлен, – холодно сообщил вестовому нетопырю глава Некроса.

Молния, развалившись на подоконнике, видимо, лапы его не держали, изумленно вытаращился на лорда Гаэр-аша подергивающимися глазами. После чего пискнул «Хана» и вырубился прямо там же, потеснив десяток почтовых летучих мышей, терпеливо ожидающих, когда ректор обратит на них внимание, чтобы передать ему принесенные письма.

Глава академии, тяжело вздохнув, выразительно посмотрел на призраков. Один из бестелесных, повинуясь безмолвному приказу, стремительно ринулся к нетопырю, снял с его лапки прикрепленный контейнер для почты, принес, подбострастно положил перед ректором. Сильнейший некромант Четвертого королевства, продолжая испепелять взглядом нашу сонную компанию, отвинтил крышку контейнера, вывалил сообщения на стол, а затем я увидела нечто – лорд Гаэр-аш протянул руку, простер ее над письмами, и... и написанное в каждом послании последовательно стало возникать в воздухе неровными плывущими письменами из зеле-

новатого светящегося дыма!

И мы прочли:

«Уволен».

«Без статьи не возвращайся, песий выро...»

«Чтоб тебя...»

«Вы уволены, за расчетом советую не приходить».

«Уволен».

«Уволен».

«Уволен».

«Ублю...»

«Убью, мразь».

«Уволен».

Лорд Гаэр-аш мрачно посмотрел на нас и спросил:

– Вы осознаете, сколько людей из-за вас остались практически без средств к существованию?!

– Ик, – ответил начавший задремывать нетопырь.

– Странно, что еще тебя не уволили, – заметил ректор.

– Ик. – Молния был немногословен.

– Так он ни при чем, – вставил Дан. – На него перегаром подышали, вот и сомлел, а за содержание переносимой почты нетопыри ответственности не несут.

Не став спорить со второй частью фразы, лорд Гаэр-аш, хмыкнув, поинтересовался:

– Так «перегаром дынули», что его в редакции редчайшим вином стошнило? Лорды и... зомби, в следующий раз аккуратнее следы замечайте.

Не удержавшись, я удивленно спросила:

– А будет следующий раз?

Ректор перевел взгляд на меня, глаза его мгновенно потемнели, губы сжались, на лице промелькнуло выражение гнева, но мне все же соизволили дать ответ:

– Вот это, – он указал на стопку писем с общим смыслом «вы уволены», – прислано без выходного пособия, следовательно, это не увольнение, это угроза увольнения, которая станет реальностью, только если газетчики не раскопают материал, способный спасти их карьеру. Фактически это команда «Фас» в отношении вас. И писаки теперь землю рыть будут в стремлении взять реванш. Я понятно объяснил?

Испуганно кивнула.

– Норт, – лорд Гаэр-аш перевел взгляд на кузена, – тебе, как будущему монарху, следовало поступить умнее.

– Например? – напрягся Дастел.

– Не провоцировать прессу! Свободны!

Мы поспешили покинуть ректорский кабинет.

Едва вышли в коридор, Гобби, по-приятельски помахав Гаэр-ашу на прощание, закрыл дверь и весело оскалился. Парни тоже заулыбались.

– Спать? – спросил Норт, беря меня за руку.

– Лекции, – напомнил, мрачно глядя на него, Эдвин.

– Я договарюсь. – Дастел поднес мои пальцы к губам, осторожно прикоснулся.

Почему-то я даже не возражала, хотя, наверное, стоило

бы.

Где-то впереди раздался хохот, мы все посмотрели туда и увидели адепта с газетой в руках, сползающего по стеночке от смеха. Гогот нарастал, а после превратился в истерические всхлипы.

– Ой, надо тоже почитать, – решила я.

– Не надо, – категорично высказался Норт. – И вообще пошли спать.

Адепт уже едва не лежал.

– Ну хоть в общих словах, что там? – взмолилась я.

Меня взяли за руку и повели, кажется, спать. Остальные, тоже позевывая, разошлись, даже Гобби, помахав мне, утонул в женское общежитие, в котором к нему уже привыкли.

Но вот меня никто отпускать не торопился, даже когда я попыталась высвободиться, резонно напомнив:

– Норт, у меня своя комната имеется.

Дастел, ни слова не говоря, у всех на глазах – а мы уже во двор вышли, и тут половина адептов Некроса перерыв между лекциями проводила – подхватил на руки, закружил, а после с самой счастливой улыбкой понес к себе.

– Норт! – возмутилась я.

Он начал напевать что-то отдаленно напоминавшее мелодию, под которую мы вчера танцевали. Танцующей походкой внес меня в мужское общежитие и взбежал по ступеням, не обращая внимания на всеобщие понимающие ухмылки вокруг и вообще словно их совершенно не замечая, в отличие

от меня. В итоге мы оказались в его комнате.

– Спать, – ставя меня на ноги, проговорил Норт, – всем спать!

После чего запер дверь, видимо, чтобы возмущенная я гарантированно не сбежала, дошел до постели и рухнул не раздеваясь.

Я некоторое время постояла, глядя на него, а потом подошла и сделала то, что мне никогда не было свойственно, – осторожно сняла с Норта сапоги и укрыла спящего парня покрывалом, просто в комнате с утра было прохладно по причине открытого окна. Догадываюсь, что нетопырь вылетал именно этим путем.

Или влетал!

«Ик!» – раздалось из-под кровати.

Опустившись на колени, заглянула, и да – там спал нетопырь. Причем развалившись и похрапывая. Достала зверюгу магическую, устроила на кресле у окна, тоже укрыла. И я, конечно, знала, что нетопыри способны и в снегу заночевать, но он так съежился, что оставить его ненакрытым рука не поднялась.

И вот потом я добралась до стола с остатками ночных развлечений моей команды и убедилась, что лорд Гаэр-аш оказался совершенно прав – следы они замечать не умели. От слова «совсем».

Засев за стол, я начала читать заметки Гобби:

Лист работника печати: «Скандал в королевском семей-

стве! Наследник династии Дастелов женится на внучке грязного крестьянина! Потерпят ли подобное Дастел-Вериданы? Как отреагирует король?!»

Перевод Гобби: «Победительница Мертвых игр Некроса милостиво согласилась подумать над предложением наследника династии Дастел-Веридан. Ее полностью устраивает сам наследник, а на поведение родственников она еще посмотрит».

Приписка внизу почерком Норты: «Король так обрадовался предстоящей свадьбе, что вернул наследника Дастелов в список претендентов на престол».

У меня нет слов... Сколько они выпили вчера?!

Читаю дальше:

Лист работника печати: «Убийство дознавателя Нардаша не будет расследовано! Наследнику рода Дастел-Веридан все сошло с рук!»

Перевод Гобби: «Сенсационная новость! Дознаватель Нардаш устал терзаться муками совести и покончил с собой на глазах у некромантов! Некроманты не обиделись и с радостью приняли такой подарок, все-таки целое свеженькое тело для экспериментов! Мораль: хочешь умереть спокойно – не умирай в Некросе».

Приписка почерком Дана: «Некрос – место, где вашу смерть оценят».

Приписка от Норты: «По стобалльной шкале исходя из качества сохранности вашего трупа».

А потом было нечто:

Лист работника печати Сэмюэльса Дотье: «Риа Каро – темная лошадка предстоящих игр или роковая женщина Некроса?!»

Далее следовала пространная статья, в которой содержалась масса умозаключений на пустом месте о том, какой популярностью я пользуюсь у адептов Некроса. Количество букетов, которые ежедневно закупаются ради моих прекрасных голубых глаз (ничего, что они у меня каре-зеленые), по результатам газетного расследования, зашкаливало за тысячу, количество моих романов так же.

После такого я с энтузиазмом взялась читать интерпретацию.

Перевод Гобби: «Сэмюэльс Дотье – темный мечтатель или действительно заврался? По данным тайного зомбированного газетами расследования, все отжатые у редакции деньги Сэмюэльс Дотье тратит исключительно на голубые глаза. Помешался на них. И на цветах. Таким образом, в Некросе на один потенциальный труп больше».

И Дан со своей припиской: «Вы устали от жизни? Вам плохо, грустно и чужая жизнь покоя не дает?! Некрос – место, созданное для вас!»

Далее приписка от Норта: «Некрос радостно приглашает страждущих сунуть нос в чужие дела. Мы подправим вам физиономию! Посмертно! Гарантия!»

Не удержавшись, тихо рассмеялась, на постели заворочал-

ся Норт, нетопырь в кресле сладко всхрапнул.

Я стала читать дальше.

Лист работника печати: «Трое адептов Некроса убили лорда Отступника! Сенсация или подлог в преддверии Королевских Мертвых игр?!»

Перевод Гобби: «Лорд-отступник убился, виртуозно отрезав себе голову об меч главы Дома Мечей Эдвина Харна! Сенсация! Появился новый вид отступников – самоубивец-виртуоз!»

Это все действительно было очень забавно, но знала бы, что повлечет за собой шутка парней и Гобби, так бы не улыбалась, если честно.

Запертая Дастелом дверь вдруг открылась без стука, скрипа и вспышек магии, указывающих на взлом запирающего плетения. Вошел Эдвин. Глянул на спящего Норта, на лежащего в кресле нетопыря, улыбнулся мне и спросил:

– Тебя проводить?

Весело кивнув, подскочила, сняла свой плащ с вешалки и поспешила к двери, галантно придерживаемой для меня Харном.

* * *

Мужское общежитие мы покинули вместе и неторопливо направились к женскому корпусу.

– Завтра начнутся тренировки, – шагая со сцепленными

за спиной руками, от чего казался ровнее и выше, сообщил Эдвин. – Готова?

– Практически ко всему, – ответила, радостно улыбаясь. – Да и сколько тут осталось, худшее уже позади.

– Ох, сокровище мое, – Харн невесело усмехнулся, – поверь – все только начинается.

И он оказался прав.

Глава вторая. Месть работников пера и бумаги

Темно-фиолетовый огненный шар стремительно мчался на меня, вынуждая принимать решение – или в грязный снег носом в очередной раз, или создавать щит, на который у меня уже нет сил. Заметив упавшего Гобби, мгновенно приняла решение: щит – и начала плетение.

– Нет, Риа! – Огненный шар, гудя и потрескивая, замер в шаге от меня. – Вы должны работать в паре. В паре, а ты снова прикрываешь Гобби!

Норт стремительно подошел, ухватил мое местами обгоревшее умертвите за шиворот, резко поднял и поставил на ноги. Я же, не удержавшись, села на снег, не в силах выносить очередной разбор полетов стоя.

Шестой час тренировки, болит все – от скулы, на которой, кажется, синяк, до большого пальца на левой ноге – ушиблась, когда улепетывали от гештьяры, но итог все так же печален: бойцы из нас с Гобби аховые.

– Ты – мертв! Слышишь, ты, мертвый! – втолковывал взбешенный Дастел виновато потупившемуся зомби. – И ты прикрываешь Риаллин! Ты ее должен прикрывать постоянно! Смотри!

Над заснеженным полигоном вспыхнул экран, схематиче-

ски отобразивший огненный шар, летящий от Яды в меня.

– Варианты, – шипел Норт, рисуя на схеме, – блок Дрека, у тебя достаточно сил на это. Щит Астрагены – для твоего уровня наиболее приемлемый и действенный, к тому же позволяет атаковать, используя магию противника против него самого. Клин Адархи – для пламени идеально – оно просто обтекает вас по клину. Ты понял?

Умертвие неуверенно кивнул.

– Еще раз! – приказал Норт.

Мне захотелось упасть спиной на снег и лежать, глядя в серое небо с плывущими по нему свинцовыми тучами, но... но поднялась, отряхнула снег, встала на шаг позади Гобби, как учил капитан нашей команды.

И все по новой – Яда, нападение, сражение с гештьярой и сразу три огромных гудящих и потрескивающих огненных шара! Гобби, бдящий с начала боя, рухнул в снег, я последовательно применила блок Дрека, щит Астрагены и клин Адархи, после чего, раскинув руки, тоже рухнула в снег от усталости. Яда, воспользовавшись тем, что бой, по ее мнению, уже был закончен, прыгнула ко мне, плюхнулась рядом и подставила морду так, чтобы ее почесали наиболее любимым гештьярой образом.

Конец!

Одно безумно радует: лежу себе, в небо смотрю... пока надо мной не навис свинцово-хмурый Эдвин. И вот переведя взгляд с облаков на него, обнаруживаю, как ну совсем неза-

метно и отчаянно маскируясь под сугроб ко мне ползет дракон Коготь, причем точно знаю – тоже хочет, чтобы его погладили.

– Яда, брысь! – Норт подошел и теперь нависал надо мной вместе с Эдвином. – Любимая, у меня к тебе два вопроса. Первый: и как долго ты будешь прикрывать Гобби? И второй: на снегу не холодно, нет?

Молча протянула руку, так же молча Дастел обхватил ее и рывком поднял меня с земли. В голове гудело. Живот болел. Есть хотелось очень, и вообще...

– Риа, так нельзя, – присоединился к воспитанию меня Эдвин. – Гобби – твоя боевая нежить, он должен тебя защищать. Он тебя, а не ты его!

Я-то, конечно, это понимаю, но проблема в том, что у Гобби все сильнее пробуждается самосознание, и ему, уже пережившему одну смерть, очень страшно смотреть в глаза другой, потому как себя мое умертвие воспринимает живым. Он ведь даже боль уже чувствует! А некроманты засекли, что магию Норта и соответственно Яды артефакт Кхада практически не поглощает, и теперь именно Дастел и его умертвие нас тренируют, сведя на нет все наше преимущество. А мы маленькие и слабые, и без преимущества нам очень непросто приходится.

– Понимаю, ты устала, – Норт обнял, привлекая к себе и позволяя на него опереться, – но навык нужно отработать, Риа. Именно отработать, довести до автоматизма, до реак-

ции на уровне рефлексов. Еще час тренировки.

Я застонала, уткнувшись лбом в его грудь. Нет, вообще-то я понимала, что, если попрошу, он мгновенно унесет меня отсюда, вылечит и мою скулу, и ногу, покормит и вообще ванную для меня приготовит, но... Мы с Гобби, конечно, маленькие и слабые, зато, ко всему прочему, мы еще гордые и упорные, а потому:

– Все хорошо, Норт. – Я лучезарно улыбнулась. – Можно еще два часа, раз ты отпросил меня с лекций. Я в порядке.

И большими честными глазами посмотрела на него.

– Врет и не краснеет, – хмыкнул, проходя мимо, Дан. – Норт, кажется, у меня ребро сломано.

Дастел мгновенно отпустил меня и ушел лечить Дана. А я наклонилась, зачерпнула снега и приложила его к саднящей скуле.

– Ты как? – спросил Эдвин.

– Нормально, – бодро соврала и ему.

– У нас еще фехтование, – напомнил некромант.

Не буду выть. Не буду, и точка!

Стоя на ветру, я медленно оглядела весь полигон. Для нас, членов команды по Мертвым играм, выделили самое большое тренировочное поле и нагнали сюда наиболее опасную нежить, которая теперь курсировала между двумя рядами ограждений по периметру всего полигона. И это было хорошо, потому что за вторым ограждением курсировали газетчики, всплывшие к нам лютой ненавистью после послед-

них событий. Нет, я их, откровенно говоря, понимала: половина лишилась работы, вторая – премии и жалования, отдельные личности пострадали менее всего – просто не успели отослать статьи руководству, но и им не позавидуешь. В результате трудяги писательской гильдии застряли в Некро-се и теперь пытаются сделать репортажи о тренировках команды по Мертвым играм, чтобы хоть как-то реабилитироваться. Но это они совершенно напрасно – Гобби бдит.

– Риа, у меня есть идея, – внезапно произнес Эдвин.

Пока я рассматривала газетчиков, снующих за ограждением с бродящими умертвиями, некромант смотрел на меня, и сейчас в его глазах появилось что-то такое... пугающее.

– Хочу кое-что проверить, – сказал он мне, после чего схватил за руку и поволок по мокрому снегу. – Гобби, ты с нами.

Умертвия за ограждением, заметив наше приближение, замерли, газетчики затаили дыхание и тоже замерли. Эдвин подвел меня к самой ограде, после вскинул руку... Несмотря на черный тренировочный костюм и дневной свет, черное, охватившее его ладонь сияние магии я четко разглядела и невольно закусила губу – Харн становился сильнее, ощущал это сам и теперь больше не хватался за меч, предпочитая использовать собственную находку – магическое оружие. Впервые он использовал его четыре дня назад, практически неосознанно, просто «выхватил» не свой двуручник, а сформировавшийся полупрозрачный черный магический

клинок. И вот как он это сделал – никто из нас не понял, но Норт сразу увел Эдвина в ангар, подальше от глаз газетчиков, и там они вместе долго выясняли, что к чему и как это можно использовать. Потом, когда мы с Даном пришли, увидели потрясающую картину: Норт и Эдвин сражались, вот только у Дастела был обычный меч, а у Харна – черный, состоящий из чистой магии. И некромант теперь мог выхватить кинжал, метательные ножи, лук и стрелы в любой момент, причем по смертоносности оружие из магии превосходило железное в десятки раз.

– Эдвин, при газетчиках нельзя, – шепотом напомнила я распоряжение Норты.

Дастел просто сразу нас предупредил – свои преимущества не демонстрировать.

– Знаю. – Эдвин едва заметно улыбнулся.

Но тьма вокруг его руки сгустилась, и, несмотря на черный рукав и черные перчатки, боюсь, газетчики ее уже тоже заметили, некромант же оглянулся на Гобби и...

Прорыв защитного периметра произошел в единый миг!

Совершенно неожиданно, невероятно, немыслимо, но нежить хлынула на поле. Я заорала от ужаса, Гобби взвыл, Эдвин... Эдвин преспокойно сделал шаг в сторону и прикрылся щитом Хона, предоставляя нас оголодавшему умертвиям!

Дальше все произошло так быстро, что я едва смогла осознать случившееся – на меня бросилась хмыра, полутора-

метровое зубастое умертвие, бывшее некогда болотным монстром. Нападает она молниеносно – отталкивается щупальцами, прыгает и летит к жертве метров десять свободно, отдельные экземпляры пролетают и до пятнадцати с одного прыжка. Этой до меня было метров восемь...

Когда жуть взвилась в воздух, я ничего не успела сделать! Ни выставить щит, ни уклониться, ни даже заорать громче. Только накалился браслет, обжигая предупреждением об опасности, да промелькнула мысль, что после одного укуса болотной хмыры шанс остаться в живых еще есть, но если успеет ухватить второй раз...

Гобби, верещавший, как и я, неожиданно кинулся вперед, прикрывая меня, и, как в кошмарном сне, все сто двенадцать зубов тварюги вцепились в руку моего умертвия...

И все прекратилось!

Вспыхнул щит, отбросивший хмыру от Гобби, второй отшвырнул всех умертвий обратно в периметр, затем плетение железной проволоки вспыхнуло, соединяясь вновь и блокируя зомби. Я перестала орать и рухнула на колени прямо в снег. Мое шокированное умертвие, у которого два зуба болотной гадости застряли в руке, рухнул тоже. Эдвин, отвратительно довольный, подошел, присел на корточки перед нами, глянул на меня, на Гобби, похлопал его по плечу и сказал:

– А ты не безнадежен. Проверку прошел.
То есть это была проверка?! Проверка?!

Возмущенно посмотрела на Эдвина, он весело улыбнулся мне, ни капельки не ощущая себя виноватым.

– Ты... ты... ты... – прошипела я.

– Ну-ну? – подначил он.

С хвостом на затылке, прядкой волос, выпавшей из прически и повисшей росчерком на лице, в черной, под цвет глаз, форме и с саркастической усмешкой Эдвин словно олицетворял облик истинного некроманта. В смысле, был весь элегантный и напроочь бессовестный!

А еще определенно гордился спровоцированным результатом – Гобби бросился меня защищать. Все, что волновало Эдвина, – результат! Только результат! А то, что я перепугалась до смерти, а Гобби фактически решился на вторую смерть, его совершенно не интересовало!

– Эдвин, я тебя убью! – выдохнула разъяренно.

– Это вряд ли, – хмыкнул он, совершенно нагло мне улыбаясь, абсолютно уверенный в собственной безнаказанности.

Это и разозлило! И, забыв о Гобби, газетчиках и умертвиях, курсирующих за оградой, я рванула на некроманта с четким и осознанным желанием придушить на месте. Набросилась, схватила за шею, сжала изо всех сил, а этот... Повалившись на спину и утянув меня за собой, некромант попросту расхохотался, полностью игнорируя мои попытки его убийства. И пока я его отчаянно душила, хохотал так, что в итоге я прекратила безнадежное дело по отправлению его пешим

строю к умертвиям, но едва попыталась встать, адепт крутанулся, уложив меня на снег, навис сверху и спросил:

– Ну чего ты разозлилась?

Тяжело дыша, зло посмотрела на него.

– Ты же знаешь, я никому не позволю причинить тебе вред, – улыбнулся Эдвин. – Я же был рядом.

– Ты... ты отошел! – возмутилась я. – Ты отошел и устроил этот прорыв нежити! Ты...

– Ты, – сурово начал парень, – постоянно прикрываешь Гобби и подставляешься. Постоянно. Это неприемлемо, Риа. Да, в финале его никчемность не будет представлять проблемы, но до финала еще дожить нужно. Уяснила?

Кивнула, и все же:

– Ты не должен был так поступать с Гобби.

– Гобби мертв, Риа, – сурово произнес Эдвин, – и он боец. Твой боец, а в финале – мой. И это уже не игры, ставки слишком высоки. – Его взгляд заледенел, и некромант добавил: – Король умеет заставить стремиться к победе.

И, резко поднявшись, Эдвин потянул меня за собой. Гобби, слышавший каждое его слово, вытащил зубы хмыры из своей руки, посмотрел на них, подумал, запихнул оба в карман, после подошел и протянул мне ладонь. Так что от периметра уходили мы с умертвием, держась за руки, и Эдвин, хмурый, но все равно довольный результатом своей проверки.

А в ангаре нас ждали плохие новости.

– Дан на сегодня выбывает, – сообщил Норт, продолжая держать ладонь на левом плече друга.

Выглядел рыжий паршиво – сейчас, когда он, полуобнаженный, лежал на плаще, расстеленном прямо на сырой, утоптанной умертвиями земле, были отчетливо видны несколько внушительных синяков, след от когтя и провалы на ребрах.

Хруст, неприятный, жуткий, и два ребра встали на место, а Дан едва слышно застонал сквозь стиснутые зубы.

– Уйдем через вены Некроса, – продолжил Норт, перемещая ладонь вниз.

При этом сам некромант выглядел тоже не лучшим образом – на лбу капельки пота, челюсти сжаты, глаза закрыты.

– Может, ты не будешь так выкладываться? – спросил Эдвин.

– Иначе никак, – хрипло ответил капитан нашей команды. – Завтра Дан должен быть в строю.

Харн кивнул, прошел к лежащему Дану, опустил на колени рядом, вопросительно глянул на Дастела.

– Нет, не сможешь помочь, – правильно понял Норт, – но я хочу понять, что произошло. Возьми Рию, обойдите поле, осмотрите уничтоженную нами сегодня нежить.

– Понял. – Эдвин поднялся, указал Гобби на бочки, где уже отдыхали Яда, Культяпка и Коготь, мне же кивнул на выход.

Но я вышла не сразу, несколько секунд наблюдала за Нортом, заметила, как он раз сглотнул, догадалась, что его мучает жажда, и, сбегав к нашим сваленным в углу вещам, взяла фляжку, вернулась. Благодарно улыбнувшись, Дастел попросил:

– Помоги, я не могу прерываться.

Отвинтила крышку, поднесла к его губам, подержала, пока пил, после вытерла капельку воды, скользнувшую по колючему подбородку.

– Ты мое сокровище, – с нежностью поблагодарил Норт.

Я откровенно смутилась и от его слов, и от собственных действий. Заботиться о ком-то было необычно, я давно свыклась, что всегда сама по себе, а сейчас Гобби, Пауль, и вот Норт, Дан и Эдвин, и волей-неволей я все больше замечала, что они становятся ближе, важнее, теперь и это. Не ожидала от себя такого.

Ничего не ответив Дастелу, торопливо ушла к Эдвину, а выйдя из ангара, впервые за день порадовалась холодному промозглому ветру, вмиг остудившему щеки. И только на улице поняла, что все еще держу в руках и фляжку, и крышку. Медленно закрыла емкость, повесила на пояс, решив, что сейчас возвращаться в ангар мне не хочется совершенно и...

– Риа, – позвал Норт.

Пришлось протиснуться мимо Эдвина и заглянуть в приоткрытые двери.

– Будь осторожна, – попросил некромант и вновь закрыл глаза, сосредоточившись на лечении Дана.

Я улыбалась, пока закрывала двери, и, когда шли на место первого боя, улыбалась тоже, и вообще улыбалась, несмотря на ноющие мышцы, ледяной ветер и завывание курсирующей неподалеку нежити.

* * *

На основном полигоне было тихо. Утром мы тренировку проводили за холмом, вне досягаемости глаз газетчиков, и потому сюда не доносились ни их переговоры, ни рычание нежити, которая ходила следом за работниками печати, надеясь добраться до беззащитного мяса, так что единственным шумом здесь оказался вой ветра и скрип снега под нашими ногами.

– Ты не замерзла, кстати? – спросил Эдвин, снимая куртку.

Неопределенно пожала плечами и поплатилась – куртку надела на меня, а после воин, достав меч, двинулся по полю, переступая уничтоженную нами нежить. Потом вечером их снова поднимут, а завтра будет очередная тренировка, с теми, кто уже знал, как мы можем убивать, и, значит, будет осторожнее в два раза. Но сейчас умертвия лежали без дви-

жения, как самые настоящие трупы, а полигон был похож на древнее поле битвы. И ветер воет, и Эдвин с мечом ходит, переступая через мертвых, и...

– Так. – Некромант остановился.

Причем остановился на том месте, где стояли мы все в начале боя, – на невысоком холме. В утреннем бою Норт был ведущим, я и Эдвин располагались по правую и, соответственно, левую сторону от него, Дан замыкал. Квадрат Кассера, являющийся одной из ключевых фигур в некрмантии. По Кассеру, сильнейший некрмант становится сзади – он страхует, второй по силе впереди – он направляет удары, контролирует бой, третий слева – прикрывает, слабейший, а в данном случае я, справа. Классическая схема, просто парни меня натаскивали, вот и использовали квадрат Кассера, но в середине боя, то есть когда нежити оставалась примерно половина, я, поскользнувшись, едва не упала, причем у меня был основательный шанс при падении скатиться вниз по холму, прямо в пасти порадовавшихся бы такому обороту дела умертвий. Дан среагировал быстрее, чем я начала скатываться, подхватил, отшвырнул меня в центр квадрата и встал на мое место, ну и, собственно, без меня парни со всей мертвой армией расправились гораздо быстрее.

– Так-так, – Эдвин, пристально вглядываясь в истоптанный грязный снег, опустил на одно колено, – вот ты упала, вот Дан тебя поднял, ты заняла позицию позади Норта. – Харн читал следы, как слова в книге. – Вот на твое место

стал Дан, и... Это что?!

Я уже было хотела подойти, как парень вдруг заорал:

– Риа! Назад!

Снег вскипел! Вспенился! Взорвался!

И, как в кошмарном сне, я увидела падающего Эдвина, чью ногу обхватила и рывком потянула вниз когтистая лапа нежити... А затем десятки умертвий выскочили из-под снега! Десятки! Огромных, измененных, с темно-красным свечением в глазах – управляемых!

Эдвин устоял чудом, перехватил меч удобнее, огляделся, оценил ситуацию и хрипло приказал:

– Р-р-риа, ко мне!

Учитывая, что его держал за ногу наполовину высунувшийся из сугроба измененный зомби, приказ мог бы показаться странным, но даже сейчас я понимала – с Эдвином есть шанс продержаться до появления подмоги, а без него мне точно конец.

– Осторожно, – скомандовал воин Дома Мечей, – плавно, без резких движений.

Послушно сделала шаг и... вскрикнула от боли в руке. Замерла, с ужасом осознавая, что браслет слишком сильно накалился, практически сжигая кожу! А это защитный артефакт, и нанести подобные повреждения он может только в случае прямой угрозы жизни.

– Риаллин! – крикнул Эдвин. – Ко мне, быстрее!

Честно говоря, очень захотелось подчиниться и подбе-

жать, рядом с Эдвином я себя чувствовала гораздо защищеннее, чем здесь, в окружении вылезшей из-под снега измененной нежити. Но, учитывая поведение артефакта, у меня возникло вполне обоснованное опасение, что он сожжет мне руку до кости, если я попытаюсь проигнорировать его предупреждение.

Но и оставаться на месте – чистейшее самоубийство. Это сейчас нежить стоит, не предпринимая никаких действий, но она измененная, атаковать может в любой момент, причем атака будет синхронной и молниеносной. И мне просто не выжить, даже если я последние оставшиеся после тренировки крохи магии применю!

Закрыла глаза на миг, справляясь с болью, осторожно шагнула назад – кожа зашипела! Едва не заорав, я вернулась на прежнее место, прикусив губу почти до крови (только бы не взвыть), и зря. Едва теплая струйка проступила на губе, все умертвия разом повернули головы ко мне.

– Риа, кровь! – Эдвин побледнел.

То есть вот до этого момента он не боялся, а сейчас...

Браслет вновь начал нагреваться. Стремительно, сильно, докрасна, заставляя ощутить запах паленой кожи. Страх ледяной изморозью прошел по спине. Смерть словно играла со мной. Она была близко, настолько близко, что защитный браслет продолжал причинять вред, а значит, стоять в этом конкретном месте было опасно. Нужно было начинать действовать.

От боли в запястье хотелось выть, упав и погрузив руку в снег, чтобы стало хоть немного легче, но, сжав зубы, я уронила с плеч куртку Эдвина, зажмурилась и вытянула руку влево. Боль! И я мгновенно поменяла направление – вправо. Шипение кожи прекратилось. Значит, нужно сдвинуться вправо. И шаг я сделала осознанно.

– Риа, что ты творишь... – начал было Эдвин.

– Действую в соответствии с указаниями моего артефакта, – ответила я негромко.

И еще шаг вправо – рука была сильно обожжена, я могла ошибаться в своих ощущениях, но вроде болеть стало меньше. Значит, у меня есть шанс? Очередной шаг вправо, все так же с закрытыми глазами, и браслет начал холодить, уменьшая нестерпимый жар нанесенных им же ожогов... Получается, здесь я в безопасности.

Распахнула глаза, огляделась. Казалось бы, ничего не изменилось – я всего ничего отошла от места, на котором до этого стояла и где сейчас валялась куртка Эдвина. Сам некромант все так же был на месте нашего прежнего квадрата Кассера, управляемые умертвия проследили за мной взглядами, но не предприняли никаких действий.

Где-то над нами затрещало небо. Угрожающе затрещало, но я не восприняла эту угрозу, ожидая скорее нападения от измененной нежити.

– Только бы Гаэр-аш успел, – произнес Эдвин.

– А если не успеет? – тихо спросила я.

– Нам конец, – озвучил мои худшие предположения адепт Харн.

Но, несмотря на свои слова, он стремительно сформировал черный магический меч, наносящий нежити гораздо более значительный урон, чем обычный, брошенный Эдвином на снег. Потому что перед тремя десятками измененных управляемых умертвий с обычным мечом не выстоять. Они не просто управляются одним магом, они управляются дробным сознанием, то есть перед нами сейчас фактически тридцать магов, и утешает лишь одно – маг явно не боевой, а значит, все же шанс у Эдвина должен быть: он прекрасный воин и великолепно защищен от смертоносных заклятий. О шансах для меня думать было бы глупо, но мой браслет стал холоден, и это давало надежду на то, что здесь я защищена. Как? Не могу даже представить.

Медленно вытерла кровь с губы, пронаблюдав за тем, как умертвия сопровождали мой жест судорожным глотательным движением, а затем вновь уставились на меня. Жутко. Похоже, они чего-то ждут. Терпеливо ждут, и мне начал безумно не нравиться этот треск, отчетливо слышимый в небе, и неожиданно стихший ветер не понравился тоже...

В следующее мгновение я окаменела от ужаса! Потому что вспомнила, отчетливо вспомнила этот треск и стихший ветер, но больше сухой треск, раздающийся в небе... Мне уже доводилось его слышать. Однажды в детстве. Когда дядя Тадор подчинил грозу, показывая мне, чему не способен

противостоять ни один магический защитный барьер! Этот сухой треск, как же я сразу не догадалась!

– Эдвин, – мой голос дрогнул, – Эдвин, беги...

Он удивленно глянул на меня, все такой же настороженный и готовый к битве, которой не будет. Не начнется она, смысла нет. Меня иначе уничтожат, и от этого мой артефакт не защитит. Эль-таим Эдвина – возможно, он значительно сильнее, но проверять я не хотела. Молнии – чистая энергия, абсолютная, уничтожающая все на своем пути и в определенных условиях управляемая. А погодой сейчас управляли.

– Эдвин, – спазм ужаса перехватывал горло, – Эдвин, умертвия не тронут тебя. Беги, Тьмой заклинаю, беги сейчас же!

Некромант не сдвинулся с места, но нахмурился и теперь смотрел на меня с явным подозрением, а затем произнес:

– Что значит не тронут?

Его голос потонул в грохоте, раздавшемся над нашими головами. И я поняла, что медлить нельзя и придется соврать, частично прикрывшись правдой.

– Погодой управляют! – сообщила я и закричала: – Беги, ты отвлечешь удар стихии на себя!

Чистейшая ложь, но вот она я стою, перепуганная и дрожащая, и вот он, воин Дома Мечей, превосходно знающий законы войны, маневры, применяемые для отвлечения противника и считающий долгом меня защищать... И сработало – Эдвин сорвался на бег, едва небо вновь загрохотало. Рва-

нул к ангарам со скоростью, сделавшей бы честь даже измененным умертвиям, но вся штука в том, что они остались стоять на месте. А значит, цель у них, как я и думала, совсем не парни, цель – я. Именно я.

Грохот!

Треск!

И разряд молнии, ударившей в то место, где я недавно стояла... Но и сейчас молния оказалась слишком близко – волосы мгновенно встали дыбом, шапка едва не упала, но я стояла четко на месте – браслет оставался холодным, хоть и нестерпимо пекло прежде обожженную кожу. Впрочем, дозированная боль отрезвляет, и сейчас я была рада ожогам, они не позволяли скатиться в панику.

Треск!

Разряд в двух шагах от меня и жар, обдавший лицо.

Замечаю, что Эдвин остановился, из-за ангара выбежали Норт и Дан, за ними Гобби, но я сейчас не опасалась за парней – голова на плечах есть, значит, не подойдут...

Треск!

Сухой, до костей пробирающий, и разряд молнии, обугливший умертвие в шаге от меня. И когда зомби рухнул, на снегу остались лишь его ноги от ступней до колен, которые все так же стояли... дымясь.

– Ыы! – рев со стороны Гобби, и движение Норты, отбросившее его назад.

И взгляд... взгляд Дастела, который я, наверное, никогда

не хотела бы видеть... потому что в нем отражался страх на грани ужаса, и боялся Норт за меня...

Треск!

Я запрокинула голову вверх, готовая принять последний удар или выстоять, если разряд будет опять крайне близко.

Но ничего не произошло.

Ни молнии, ни жара, ни грохота грома, ни даже звука.

Как-то внезапно и очень резко наступила тишина. Удивительная, абсолютная, спокойная совершенно. В какой-то миг я подумала, что умерла и потому уже ничего не слышу, но руку продолжало сильно жечь, пекло обожженное близкой молнией лицо – значит, я все еще оставалась живой. Но вот куда делся треск?! И молния? И грохот?

– Тебе очень повезло, Риаллин, – раздавшийся в этой абсолютной тишине голос ректора заставил вздрогнуть. – Действительно повезло – прямой вход в вены Некроса диаметром всего шаг, и он здесь единственный на весь полигон.

Я прекратила смотреть в небо, повернулась и увидела стоящего в десяти шагах от меня лорда Гаэр-аша. И вот он стоял, а измененная управляемая нежить медленно таяла, растекаясь по снегу грязными вонючими лужами. Именно таяла, как восковые скульптурки, поставленные на раскаленную сковороду...

Меня замутило.

– Не двигаться! – хмуро приказал глава Некроса.

Гаэр-аш поднял руку, с его пальцев сорвался сине-зеле-

ный огненный смерч. Сорвался и замер в метре от некроманта, все увеличиваясь и увеличиваясь, и вот теперь весь воздух загудел от напряжения.

А затем ректор спустил созданную стихию с поводка!

Гудящий, шипящий, воющий огненный смерч понесся по полю, выжигая умертвий, снег, кровь, лужи, оставшиеся от нападавших, и обнажая землю с отчетливо видимыми прорытыми ходами в ней. И когда огненный вихрь понесся по следу, оказалось, что путь был прорыт от ворот, там, где охрана периметра впускает нежить, если с ней идет некромант. А это значит – кто-то намеренно провел умертвий на полигон.

Я испуганно посмотрела на лорда Гаэр-аша, он стоял и сжимал зубы с такой силой, что на скулах стали видны желваки. Движение – и огонь остановился, еще движение – взмыл вверх, образуя над полигоном черно-зеленый огненный купол, по виду чем-то напоминавший половинку мыльного пузыря, потому что так же переливался и двигался, меняя цвета.

– Отныне на это тренировочное поле доступ только вам четверым и вашей личной нежити, – голос ректора прозвучал глухо, но был слышен всем отчетливо. – Попытайтесь провести кого-то лишнего – он сгорит на входе.

Учитывая, что Пауль часто приходил со мной и Гобби, а с ним и Салли, предупреждение оказалось нужным и очень полезным. Но на этом разговор не завершился:

– Харн, – Гаэр-аш при этом даже не смотрел на него, – где Дан получил удар?

Эдвин мгновенно развеял свой меч и по вонючему чавкающему болоту, которое осталось после растопленного огнем снега, подошел к пригорку, на котором мы стояли в начале тренировки, указал место.

– Квадрат Кассера, – мгновенно догадался ректор. – Натаскивали Каро?

Парни кивнули.

– Как на ее месте оказался Шей? – последовал новый вопрос.

Ответил Данниас:

– Культяпка как-то неаккуратно вел бой, дважды чуть не задел Рию, в итоге она, уклоняясь, едва не скатилась вниз по склону, вот я и сменил ее.

Гаэр-аш кивнул, затем произнес:

– И получил удар, нанесенный кем-то, кто владеет техникой бесконтактного боя.

– Похоже, что так, – подтвердил Норт. – Слишком обширные повреждения, да и ощутил их Дан не сразу.

Лицо ректора потемнело, и стало ясно, что, несмотря на внешнее спокойствие, Гаэр-аш был в ярости. Вдруг подумалось, что единственное его желание сейчас – убивать. Убивать много, долго и со вкусом. Но, сдержавшись, глава Некроса повернулся, направил пристальный взгляд на меня и задал неожиданный вопрос:

– Как ты поняла, куда следует встать?!

Ничего не отвечая, я сняла куртку, затем оттянула рукав свитера, открывая браслет, ну и собственно ожог. В воздухе мгновенно завоняло паленой кожей, но я была очень, очень, очень благодарна своему артефакту, благодарна настолько, что на глаза навернулись слезы.

– Норт, справишься? – голос ректора прозвучал глухо.

– Да, – так же глухо и с заметной хрипотой прозвучал голос Дастела.

– Хорошо, в мой кабинет, – приказал Гаэр-аш.

Затем повернулся ко мне.

Секунду внимательно смотрел, а после...

Я как-то внезапно и совершенно неожиданно провалилась в вены Некроса. И это падение не замедлялось и не останавливалось – я летела, летела, летела по белым полупрозрачным трубкам, мимо камней и стен, мимо тепла, источник которого так и не успела заметить, мимо пропасти, столь громадной, что, казалось, в ней скрывается сама Тьма, мимо стены и какого-то строения...

И неожиданно зависла, глядя на привидение, свесившееся с книжного стеллажа и удивленно смотрящее на меня. И едва не вскрикнула, когда кто-то подхватил, резко прижав к себе.

Не закричала лишь по одной причине – лорд Гаэр-аш мрачно скомандовал:

– Тихо!

Возражать после всего, что только что увидела на полиго-

не, я не рискнула.

И испуганно молчала, пока ректор Некроса нес меня к креслу перед его столом, и когда, поставив на ноги, извлек нож и разрезал рукав моего свитера так, чтобы не задеть поврежденную кожу, и даже когда произнес:

– Кольцо Норта спасло бы тебя от первого удара молнии, мое – сдержало бы еще два, но четвертый разряд... – его голос внезапно осип.

Меня же в сказанном ректором откровенно поразило то, что:

– Ваши кольца несут защитную функцию? А как...

Я умолкла, натолкнувшись на его пристальный злой взгляд. Неимоверно злой, у меня дыхание перехватило, и холод прошелся по спине, а лорд Гаэр-аш, прикоснувшись к моему подбородку костяшками пальцев и вынудив запрокинуть голову, глядя в мои глаза, тихо произнес:

– Ты грязная, на скуле ссадина, губа разбита, нос красный от мороза, волосы растрепаны и торчат в разные стороны, одежда забрызгана останками умертвий. В данный момент ты отвратительно выглядишь, Риаллин. Но все, о чем я могу думать, – это о том, что хочу зацеловать твое личико, благодаря небеса и всех богов за то, что сохранили тебе жизнь, а после сжать твое нежное податливое тело в объятиях и никогда, ни при каких условиях ни за что не отпускать.

Попыталась отойти и чуть не рухнула в кресло, которое преграждало мне путь назад, но ректор придержал, подержал

так несколько мгновений и устало спросил:

– За что мне эта безумная, сжигающая страсть, Риа?

Я осторожно высвободилась, села, придерживая больную руку, и задала вопрос, который терзал уже давно:

– А мне за что?!

Лорд Гаэр-аш посмотрел на меня с заметным удивлением, и именно вот это его непонимание ситуации побудило к продолжению разговора.

– Я не искала вашего внимания, – смотрела я теперь исключительно на свои запачканные и мокрые колени, – не подавала повода, не мечтала о вашей... страсти. И вы не имеете никакого морального права требовать от меня ответа на ваши чувства!

Ректор медленно нагнулся ко мне, взяв за подбородок, вынудил вновь взглянуть в его глаза, темные от гнева, и пугающе тихо спросил:

– Что?

Сжавшись в кресле, я ничего больше не смогла сказать, понимая, что отчаянно боюсь этого человека. Действительно боюсь.

Распахнулась дверь, и ректор так же медленно, неторопливо, нехотя отпустил меня, уступая место Дастелу. Норт, уже переодевшийся, подошел, опустился на корточки перед креслом, взял мою больную руку, снял браслет. Почти сразу боль исчезла, а затем и ожоги начали спадать, возвращая коже прежний цвет. И казалось, исцеление моих ран не до-

ставляет некроманту никаких сложностей, но я о состоянии капитана нашей команды знала и очень переживала за него.

– Норт, – осторожно прикоснулась к его руке, – тебе не тяжело?

– Нет, Риа, все в порядке, – не открывая глаз и продолжая лечить меня, ответил Дастел. – Просто...

Он умолк на полуслове. Злой, собранный, напряженный. Закончил с рукой, пристегнул браслет обратно, протянул ладонь, коснулся моей поцарапанной скулы – саднить тоже мгновенно перестало.

– Еще нога, так?

Я кивнула, умоляюще глядя на Норта. Тот понял, что раздеваться здесь у меня лично никакого желания нет, помог подняться.

– Она не сможет идти, – хмуро произнес лорд Гаэр-аш, стоявший у окна и задумчиво всматривающийся куда-то вдаль.

– Знаю, – отозвался Норт, – понесу на руках.

– Используй вены Некроса. – Пауза, и приказное: – Постоянно.

Дастел не стал ничего отвечать, подхватил меня на руки, шагнул к стене и, едва та растворилась, вошел в белую полупрозрачную трубку. Затем молча пронес меня через вену и вышел в подсобке общежития. На нас, появившихся из места, где даже дверей не наблюдалось, никто не обратил внимания – привыкли. Несколько человек кивнули Норту, при-

ветствуя, некромант едва заметно кивнул им в ответ, а затем взбежал по лестнице вверх, прошел по коридору, ногой открыл дверь и внес меня в свою комнату.

Глава третья.

Выгорание источника

Нас уже ждали – Эдвин и Дан, умертвий не было. И вот когда мы вошли, Эдвин хмуро посмотрел на меня и сказал одно-единственное слово:

– Убью!

– Не сейчас, – осадил его Норт.

– Да, уступи место капитану, у него право убить первым, – хмыкнул Дан.

– Долечить для начала нужно, – хмуро ответил Дастел и потащил меня в ванную.

Там, пока я раздевалась и после заворачивалась в полотенце, Норт деликатно стоял ко мне спиной и изучал взглядом дверь.

Но едва сказала «Я все», стремительно повернулся и, вместо того чтобы взять и вылечить, впился мрачным взглядом в мои глаза. И он стоял и смотрел, молча и зло, а я...

– Норт, – растерянно позвала его.

Один шаг, и некромант, оказавшись вплотную ко мне, вдруг обхватил мое лицо ладонями и, склонившись к моим губам, поцеловал.

А я растерялась, замерла, не дыша и не зная, что делать. Оттолкнуть? Наверное, стоило бы, но я ощущала, как по-

драгивают его ладони, я помнила тот полный страха за мою жизнь взгляд на полигоне, когда по мне целенаправленно били молниями. И не смогла остановить его... Просто не смогла.

И, закрыв глаза, я впервые в жизни отдалась чужому порыву нежности.

И это показалось таким правильным, таким нужным, важным, единственно верным. И тихий стон Норта, сжавшего меня в объятиях, и поцелуй, ставший страстным, проникновенным, сводящим с ума. Сводящим настолько, что земля умчалась из-под ног и вся ванная комната словно закружилась вокруг нас, заставляя прижаться сильнее, чтобы не упасть...

О том, что мои ощущения – это следствие возможности Норта влиять на людей, отголосок его эмоций, магия его крови, оттенок его чувств и отражение его желаний, я догадалась, едва ощутила необходимость срочно найти опору. Это никак не могло быть моей собственной надобностью, для меня опорой сейчас был Норт, и мне лично он казался несокрушимым и надежным... И тут я вспомнила, насколько сегодня выложился Дастел как на тренировке, так и после нее, пытаясь поставить на ноги Дана. А следом осознала, что моя реакция на поцелуй вовсе не была естественной.

Мягко отстранившись от Дастела, опустила взгляд и тихо попросила:

– Браслет верни.

– Что? – хрипло переспросил Норт.

У меня бешено колотилось сердце, кружилась голова, в горле пересохло и в ногах была дикая слабость, но вот чего не было совершенно – злости на него. Я отчетливо поняла, что он повлиял на меня, именно он, но эта безумная нежность поцелуя, его бережные прикосновения, трогательная забота... Я не могла злиться на Норта, просто не могла. А вот на себя злилась!

– Риа? – напряженно позвал он.

– Браслет, – повторила, не поднимая глаз.

Некромант, помолчав несколько секунд, деланно спокойным голосом спросил:

– Боишься, что я буду приставать к тебе?

– Нет. – Я запрокинула голову и посмотрела в его потемневшие глаза и честно призналась: – Боюсь, что сноваотреагирую на твои желания.

Удивленно вскинув бровь, Норт мгновение непонимающе смотрел на меня, а затем лицо его окаменело.

– Ты неосознанно, я понимаю, – поспешила успокоить некроманта. – Просто... верни браслет.

Дастел молча достал ИнСаар из кармана мантии и, едва я протянула руку, так же молча застегнул его на моем запястье. Я поправила артефакт и посмотрела на Норта. Он не отвел взгляд, затем хрипло спросил:

– Не злишься?

– А стоило бы, да? – Я улыбнулась.

И Норт, устало улыбнувшись в ответ, вдруг сгреб меня в объятия, прижал к себе и простонал, целуя мои волосы:

– Прости! Прости, мое сокровище, просто испугался. Дико испугался и, даже когда лечил, не мог отделаться от мысли, что тебя нет. Больше нет. Просто хотел ощутить, что ты живая, что со мной, что рядом, что дышишь... Ловил губами твое дыхание и с ужасом понимал – если ты перестанешь дышать, я сам... А, неважно! Прости. Прости, моя милая, нежная, любимая девочка, я не хотел, правда. Понадеялся, что ты сама отве... Тьма, это тоже не важно! Главное, что ты жива... Боги, главное, что жива!

Я была просто потрясена. И ошеломлена. И... и даже не знала, как реагировать на это.

И почему-то отсутствие каких-либо слов и действий с моей стороны очень порадовало Норта.

– Стоять можешь? – Он выдохнул этот вопрос, касаясь губами моей щеки.

Сделала вид, что не замечаю этого практически поцелуя, и кивнула.

В то же мгновение некромант скользнул вниз, прикоснулся теплыми ладонями к моей правой ноге, и магия заструилась по венам, убирая боль. И на этот раз мое лечение далось ему очень легко, было заметно, что резерв Дастела восстановился полностью. Если это было действие Эль-таима, то я создала невероятно сильный артефакт, но почему-то складывалось впечатление, что капитан нашей команды просто

очень рад чему-то, отсюда и силы.

– Все, – Дастел поднялся, – воду тебе Салли подогрела, полежи в ванне, расслабься, постарайся забыть обо всем.

Он улыбнулся мне, погладил по щеке и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

* * *

Некоторое время я стояла совершенно растерянная и думала о том, какие последствия будут у поцелуя Норты. Мысли возникали самые безрадостные, и в то же время... Я медленно подняла руку, прикоснулась кончиками пальцев к губам, и это прикосновение отдалось теплом где-то в груди. Что со мной? Норты ведь сейчас нет рядом, влиять на меня он не может, но от его поцелуя, от его слов – тепло и светло... Но у меня есть Рик, я не могу принимать ухаживания другого парня, пока... Я просто не могу. И нужно объяснить это Норте до того, как все пойдет слишком далеко. Хотя куда уж дальше: я стою раздетая в ванной его комнаты, все еще ощущая безграничную нежность его поцелуя на губах...

И все же нужно поговорить с Нортой.

Я решительно подошла к двери, приоткрыла ее и услышала голос Дана:

– Культяпка чувствовал, он раза три пытался вывести ее из боя.

– Плохо, что ни один из нас не заметил измененную

нежить, – зло произнес Дастел.

– Опять же удар по Дану, – заговорил Эдвин. – Бесконтактный бой – вещь не простая, я мало что знаю об этом, но те боевики, с которыми сталкивался, наносили удар с расстояния пяти метров, не больше. Так вот – мы ничего не заметили.

– Даже я толком не почувствовал. – Данниас выругался, помянув Тьму. – И это я, на мне Эль-таим, плюс собственная защита, плюс мускулатура и кости крепкие, а Рийку снесло бы вмиг!

– Да, – подтвердил Эдвин, – щиты бесконтактные удары пропускают, а магическая защита их не воспринимает как угрозу и пропускает также. Риа не выжила бы.

– Я все никак не могу понять, – заговорил Норт, – почему ее так старательно пытаются убить? Кому она мешает?

Некроманты замолчали, и вдруг Эдвин зло высказал:

– Да всем она мешает, Норт.

Я прикусила губу и затаила дыхание, парни молчали.

Эдвин продолжил:

– Риаллин – одна сплошная неожиданность, никто не в курсе, чего от нее ждать.

– Мы в курсе, – тихо вставил Дан.

– Да брось, малышка меня сегодня в два счета оставила! – зло отрезал Эдвин.

– Она тебя спасала, Харн, – задумчиво произнес Норт.

– Это и бесит! Она меня спасала, принимая удар на себя!

Все демоны Ада! – Судя по скрипу отодвигаемого стула, воин Дома Мечей поднялся. – У меня четкое ощущение, что Риа погибнет из-за нас.

Тишина, затем едва слышный голос Дана:

– Я тоже постоянно об этом думаю. Риа никому не была нужна до того, как выиграла Мертвые игры. Но целенаправленно пытаться убить ее стали с тех пор, как она в нашей команде. Так что дело не в ней, дело в нас.

Снова стало тихо.

– Завтра бал, – произнес Норт.

– Нам тренироваться нужно, – напомнил Эдвин.

– Согласен, не до развлечений, – поддержал Дан.

Мне тоже не до развлечений было, но я прекрасно помнила слова Рика о том, что помимо адептов Некроса на балу обычно присутствуют адепты из нашей столичной Академии магических искусств. Из моего родного Университета магических наук, с этого года переименованного в Академию практической магии, никого, естественно, там же нет некромантического факультета, а вот в центральной столичной академии их целых два – факультет Боевой некромантии и факультет Защитной некромантии. Причем на специальность «Страж тьмы» был крайне ограниченный набор, выходили из него исключительно королевские советники по вопросам некромантической безопасности, конкурс был сто человек на место, и оставалось только догадываться, каким образом ректору удалось зачислить туда Рика. Но зачислить

его Гаэр-аш мог, по идее, только на Защитную некромантию, с факультета Практической некромантии, на котором учился Тарн, перевод на факультет Боевой некромантии невозможен... хотя для главы Некроса едва ли существовало такое понятие, как «невозможно»... Но боялась я другого, того, что ректор осуществил свою угрозу и перевел Рика не в столицу, а в Академию прикладной магии имени Визериуса Молниеносного, а это Седьмое королевство. Но даже если так... даже если в Седьмое, Рик говорил, что в этом году некроманты из Седьмого королевства приглашены на бал Некроса. И я надеялась, что Рик придет тоже. Обязательно придет. И я хотя бы смогу узнать, как он и что с ним.

Поглощенная собственными переживаниями, не удержавшись, толкнула дверь и, когда та распахнулась, а некроманты разом повернулись ко мне, решительно сообщила:

– Я пойду на бал.

Переглянувшись, парни тихо выругались, а Эдвин еще и прошипел, обращаясь к Дану:

– Так говоришь, ты в курсе, чего от нее ожидать?

Дан промолчал, внимательно меня рассматривая. Проследив за его взглядом, я ойкнула и торопливо закрыла двери. Но даже из ванной непримиримо повторила:

– Я точно пойду на бал!

Кто-то подошел и демонстративно плотно закрыл дверь, после по кромке пробежался огонек, и все, больше я ничего не слышала.

Но было не слишком и интересно, так что я не расстроилась и вскоре сидела в теплой воде, отогреваясь. И уже почти заснула, когда раздался стук в двери, а следом послышался голос Норта:

– Можно я войду?

Взбив побольше пены, я ответила:

– Входи.

И сразу же пожалела об этом, вспомнив произошедшее. Я откровенно опасалась, что Дастел станет вести теперь себя иначе, что из нашего общения исчезнет та теплая дружеская атмосфера, которая воцарилась в команде по Мертвым играм. Волновалась, что вновь придется вести себя, как и прежде, что...

– Ты не замерзла? – Норт остановился возле двери, улыбнулся.

Я же медленно погрузилась в воду по самый подбородок и промолчала.

Дастел неторопливо прошел ко мне, сел на край ванны, коснулся пальцем пены, поднес ее к губам, подул, и несколько маленьких переливающихся мыльных пузырьков полетели в меня. Зажмурившись, дернула головой, затем вынула руку из воды, встряхнула, демонстративно вытерла лицо и хмуρο спросила:

– Издеваться обязательно?!

– Я не издевался, – улыбнулся Норт. – Просто ты вся в пене, но при этом умудряешься выглядеть сердитой, напря-

женной и чем-то на маленького, готового дать отпор котенка похожей.

Мрачно посмотрела на Дастела.

– Прекрати, – мягко попросил он. – Я ведь тебя не трогаю.

С этим не поспоришь.

– И не собираюсь.

Уже радуется.

– Ты правда хочешь на бал? – Норт чуть наклонил голову к плечу и пристально посмотрел в мои глаза.

– Хочу, – быстро ответила я.

Дастел несколько секунд внимательно взирал на меня, затем неожиданно наклонился, протянул руку и расположил ладонь в основании моей шеи. Я замерла, даже не зная, как на это реагировать, потом поняла – никак, Норт просто проверял мое состояние. Закрыв глаза, он несколько секунд сидел, не двигаясь, затем мягко отстранился, встал, прошел к умывальнику, взял полотенце и вытер руку от пены.

Некоторое время стоял спиной ко мне, затем глухо произнес:

– У тебя магия на нулевом уровне, фактически на пределе, Риа, и восстанавливается очень медленно.

– Не медленно, – я невольно потерла то место, где касался Норт, – просто сегодня ИнСаар, защищая меня, выпил все, что мог.

– Да-да, а ты взяла его и снова надела, – раздраженно произнес Дастел. – Все, что угодно, только бы держать меня на

расстоянии.

Он резко развернулся, вновь подошел и опять сел на край ванны. И теперь просто смотрел на меня, внимательно очень. Не могу понять, почему я занервничала и в итоге опустила глаза.

– Дело в Рике, да? – глухо спросил Норт.

Я промолчала.

– В принципе, все верно, на балу он появится, – продолжил Дастел, зло, отрывисто проговаривая слова. – Не уверен, правда, что тебе стоит там показываться.

– Норт, это мне решать, – осторожно высказала я.

Несколько долгих секунд некромант молчал, глядя в пол перед собой, затем глухо произнес:

– Я понимаю, ты привязалась к нему, у вас много общего, он был милым, ни на чем не настаивал, и ты решила, что это если не любовь, то уж точно влюбленность. Я так же понимаю, что ты слишком серьезная девушка, чтобы, легко забыв об одном парне, позволить другому перестать, наконец, постоянно сдерживаться и быть откровенным в своих чувствах.

– Норт...

– Помолчи! – приказал он.

Затем посмотрел в мои глаза и прямо спросил:

– Зачем он тебе, Риа? Просто скажи, зачем он, когда у тебя есть... – Дастел не договорил.

Отвел взгляд, снова глядя куда-то в никуда, его ладонь с силой сжалась в кулак, затем он медленно разжал пальцы,

вздохнул и совершенно иначе, спокойно и как-то даже холодно, произнес:

– Платье покупаю я. И собираешься ты у меня. И от меня переносишься на бал. И гарантируешь, что не отойдешь от меня ни на шаг!

Затем встал и направился к двери, бросив через плечо:

– Выходи, мы тебя ждем.

* * *

Нехотя покинув ванну, я вытерла волосы, надела халат и вышла. В комнате все было как обычно – ужин на столе, парни с учебниками, Пауль и Салли на окне, паучок ей показывал на звезды и пищал что-то романтическое.

– Займусь твоими тренировками, – не отрываясь от чтения, сообщил мне Эдвин.

Растерянно остановившись, я неуверенно произнесла:

– Так Норт же...

– Норт тренирует тебя как мага, я займусь физической подготовкой, – раздраженно пояснил некромант.

– Уже хочу на это посмотреть, – усмехнулся Дан.

И тут дверь в комнату распахнулась!

При виде ректора я невольно стянула халат у шеи, Пауль радостно пискнул, Салли юркнула за занавеску, Эдвин нахмурился, Норт поднял взгляд на родственника, и, собственно, все замерли в ожидании слов главы Некроса.

Слов не было.

Лорд Гаэр-аш молча подошел к Эдвину и швырнул в него стопкой газет.

Харн при этом не издал ни звука, а вот я испуганно ойкнула, и напрасно – ректор бросил на меня полный ярости взгляд, от которого я и вовсе опешила. Меж тем газеты, распадаясь из стопки, соскользнули вниз, и я увидела изображения на полстраницы, где...

– Ох ты ж Тьма! – выдохнул Дан.

Норт наклонился, поднял первое печатное издание, где крупным шрифтом было выведено: «Измена в команде Некроса!». А ниже бросающаяся к Эдвину я, и он, радушно раскинувший руки для объятий, и Гобби неподалеку, с отвисшей челюстью...

Дастел молча скомкал газету и запустил... в недовольно застонавшего Харна.

– Норт, это не то, что ты думаешь, – произнес он, получив бумагой в лицо.

Но Дастел поднимал уже вторую газету, и вот там заголовок гласил: «Любовники не сумели сдержать страсть на тренировочном полигоне!» – и изображение меня, лежащей навзничь на снегу, и Эдвина, нависшего сверху и удерживающего мои запястья... И выглядело все неимоверно двусмысленно!

И остальные газетные заголовки оказались не лучше: «Риа Каро и Эдвин Харн устроили любовные игры во время тре-

нировки!», «Страсть на поле боя!», «Невеста наследника Армерии была замечена в страстных объятиях его друга!».

И ведь ни одного кадра, где я душу Эдвина! Или, к примеру, где он устраивает прорыв нежити! Ничего! Только те снимки, которые выглядели более чем неприлично, и момент, где я приподнимаюсь, и лицо Харна совсем рядом с моим, словно мы только что целовались, а может, собираемся, или где он надо мной и смотрит мне в глаза, или где я практически в его объятиях, опрокидываю его на снег, или...

– Я просто хотела убить Эдвина! – мой голос дрожал от возмущения подобной несправедливостью и вообще бесчестного подлога и...

Что обидно – газетчики ведь точно видели, и как нежить напала, и насколько я была зла, и что пыталась душить некроманта, и...

– Я... – Подбородок задрожал.

– Риа, речь вообще не о тебе сейчас, – попытался успокоить меня Дан, который даже отодвинулся от Эдвина и приготовился наблюдать, чего сейчас с ним сделают.

Но я не сдержалась:

– Это так подло! Это вообще подло! Это... Они же все видели! – Меня просто трясло и от смущения, и от обиды, и от всей этой вопиющей несправедливости. – И я...

И тут лорд Гаэр-аш холодно произнес:

– Адептка Каро, позвольте поинтересоваться, а что вы вообще тут делаете в таком виде?!

У меня все возмущение по поводу газетчиков вмиг испарилось, Дан хмыкнул, Норт спокойно ответил:

– Моя невеста находится здесь, во-первых, потому что ей требовалось лечение, и во-вторых, потому что она моя невеста.

В комнате повисло молчание.

Прервал его ректор:

– Каро, немедленно в женское общежитие!

Я вздрогнула, но за меня вновь ответил Норт:

– При всем моем уважении, лорд Гаэр-аш, я вынужден повторно напомнить вам, что Риаллин является моей невестой, ко всему прочему – она только из ванной, и посему, даже будучи просто посторонним человеком для леди, я как цельитель воспрепятствовал бы ее прогулкам на морозе!

Именно в этот миг мне и стало страшно. Действительно страшно, потому что темно-серые глаза ректора вдруг начали заполняться тьмой, причем столь стремительно и явно, что испугалась не только я – подскочили Дан и Эдвин, причем оба мгновенно выставили щиты – Дан прикрыл себя, Эдвин нас обоих, встав передо мной.

И только Норт сохранил непостижимое спокойствие, более того, ровным тоном произнес:

– Леди кен Эриар официально моя невеста. И находится здесь по собственной воле.

Так как я стояла за спиной Эдвина, то видеть происходящее уже не могла, потому лишь затаила дыхание, едва услы-

шала:

– Твою невесту, Дастел, весьма качественно скомпрометировали.

И ответ Норта:

– Разберемся.

Хлопнула дверь.

И почти сразу капитан нашей команды начал раздавать указания:

– Риа, спать. Пауль, с нами. Это вечерние выпуски газет, утренних быть не должно.

– Нам нужен Гобби, – сказал Дан.

И на этом и я, и учебники были забыты. Некроманты быстро перекусили, фактически на ходу, собрались, Норт на прощание подошел, обнял мое лицо ладонями, заставил посмотреть на себя и почти приказал:

– Из комнаты не выходить. Браслет я бы на твоём месте снял. И не переживай, с газетчиками мы разберемся. Поешь – и спать.

На это я попыталась было возразить и напомнить, что у меня своя комната есть в общежитии и...

– Риа! – заорал вдруг психанувший Дан. – Тебя сегодня убить пытались! Ложись спать, чудище неугомонное!

Эдвин ничего не сказал, просто молча собрал все газеты и вышел первым. Норт наклонился, нежно поцеловал в кончик носа и тоже ушел. Дан выходил последним, для пущей убедительности сурово продемонстрировав мне отсекаание голо-

вы, указал на меня же пальцем и изобразил жест повторно.
– Да ладно, – не выдержала я, – ничего смертоубийственного ты мне не сделаешь.

Он скривился, но затем насмешливо заметил:

– Да мне и не надо, могу просто не вмешиваться и посто-
ять в сторонке в следующий раз. И ты не поверишь, но это-
го вполне будет достаточно для того, чтобы насладиться со-
мнительным удовольствием наблюдения за твоей смертью.

Вот Тьма...

– Спать, я сказал! – собственно, сказал свое последнее
слово Дан, после чего вышел за дверь, чтобы, определенно
паясничая, захлопнуть ее магией.

Таким невеселым образом я осталась наедине с Салли и
ужином.

Саламандрочка соскользнула с окна, пробежалась по по-
лу и вскоре устроилась у меня на плече, забравшись под ха-
лат. Она тосковала по Рику, как и я. И наверное, как и я, по-
нимала, что перевод Рика из Некроса был одной сплошной
несправедливостью! Нельзя просто вот так вот взять челове-
ка и, даже не спросив его, убрать от меня, просто потому, что
лорду Гаэр-ашу не понравилась моя влюбленность в адепта
Тарна!

Но говорить что-либо ректору? Я боялась. Просто боя-
лась. И почему-то тех, кто раз за разом организовывал поку-
шения, опасалась гораздо меньше, чем лорда Гаэр-аша. Не
знаю почему, но как-то так.

«За что мне эта безумная, сжигающая страсть, Риа?»

Горько усмехнулась. На сегодняшний день от безумной и сжигающей страсти главы Некроса плохо только мне, Рику и Салли.

– Все будет хорошо, – прошептала я, погладив саламандрочку.

Она тяжело вздохнула и прижалась ко мне сильнее.

А я постаралась отвлечься от грустных мыслей и огляделась. Находиться одной в комнате Норта было немного не по себе, но уйти я не рискнула. И не потому, что точно знала – мне влетит за самоуправство, просто... просто не хотела расстраивать парней. И даже самой оказалось странно осознавать это.

Вернувшись в ванную, я расчесала влажные волосы, надеясь, что так они быстрее высохнут, и когда Норт вернется, я смогу уйти к себе, не заставляя его «как целителя препятствовать».

При мысли о Норте рука с расческой остановилась, а после и вовсе опустилась.

Салли заинтересованно высунула мордочку из-под халата, удивленно посмотрела на меня, я успокаивающе улыбнулась в ответ и снова взглянула на себя в зеркало. На какой-то миг мелькнула мысль, что сегодня я могла умереть. Мелькнула – и пропала. Осталась сотня других. О Норте, его поцелуе, об Эдвине и о том, как извратили все случившееся газетчики... о лорде Гаэр-аше я подумала и снова вздрогнула.

«За что мне эта безумная, сжигающая страсть, Риа?»

Я все не могла понять, почему раз за разом повторяю про себя эту фразу, и вдруг неожиданно осознала – тревожило слово «сжигающая». Где-то на уровне интуиции я ощущала угрозу именно в этом обозначении, а вовсе не в слове «безумная».

В памяти промелькнули другие, звучавшие несколько ранее, слова ректора:

«Как же сильно ты мне нравишься, девочка...»

И это тоже было странно. Столь быстрый переход от «ты мне нравишься» до «эта безумная, сжигающая страсть». Как-то неестественно. Я положила расческу на полочку, взгляд скользнул по скопившейся пыли в самом ее углу, и мне вспомнилась другая пыльная полочка – в запрещенной библиотеке. Та, что оказалась на месте книги из раздела «Окрейо» – чувства.

То есть все началось с чувств примерно две недели назад?

А после чувства перешли в «Рхеа» – страсть, чтобы стать «Рхао» – болезненной страстью. Там и тогда я не обратила внимание, а сейчас вспомнила – на месте книги из раздела «Окрейо» пыль имелась, на месте взятых книг из раздела «Рхеа» гораздо меньше, но и там пыль была. А вот на месте книг из раздела «Рхао» было чисто. Эти книги ректор взял в тот самый вечер.

Две недели...

Всего две недели, и интерес ко мне как к девушке стре-

мительно трансформировался в болезненную страсть?! Как такое возможно?

Вспомнилось откровенно злое: «Я хочу обладать тобой, и это сильнее меня».

Посмотрела на себя в зеркало, решила, что особо обладать тут нечем. Ни красотой, ни формами я не отличалась, и снова пришла мысль, что все это как-то странно. Пугающе, шокирующе и... странно. Лорд Гаэр-аш возглавляет Академию некромантии уже пять лет. За пять лет никто и никогда... По крайней мере я не слышала о его отношениях с адептками или даже преподавательницами. О том, что у главы Некроса совершенно жуткий характер, все знали, а вот об отношениях с женщинами – никто. Даже слухов не ходило.

– Салли, – позвала я и, едва саламандрочка высунула мордашку, тихо спросила: – А лорд Гаэр-аш когда-нибудь с кем-нибудь встречался в Некросе?

Выбравшись из-под халата, Салли забавно почесала коготком подбородок, после чего отрицательно мотнула головой и вопросительно посмотрела на меня. Я так же вопросительно – в зеркало. Мое отражение, как и прежде, продолжало выглядеть крайне непрезентабельно, и понять, чем тут можно было соблазниться, я не могла. При этом я прекрасно осознавала, почему меня так желал отчим – информация Норта о моем наследстве превосходно все объяснила. И я знала, почему понравилась Рiku – мы очень похожи. В случае с Нортом я не совсем понимала, что происходит, вот

только Норт меня не пугал, в отличие от лорда Артана Гаэр-аша.

Но если бы в отношении главы Некроса я испытывала только страх... Мне было больно. Больно от того, что с первой встречи я ощутила к этому человеку уважение и в целом искренне восхищалась им. Он не знал и уже не узнает никогда, каким в моих глазах стал в тот момент, когда, остановив соловьем разливающегося отчима, посмотрел прямо на меня и спросил: «Риаллин, это действительно ваше решение?»

В нашем королевстве мнение женщины практически никогда не имеет значения. Если только она не маг с дипломом и лицензией. И когда отчим забирал меня с артефакторского факультета, декан вел разговор с ним и только с ним, я мои мысли и желания никого не интересовали, даже при том, что я была лучшей на курсе, талантливым подающим надежды мастером... но нет, меня не спросили. А если бы спросили, возможно, им удалось бы отговорить от такой глупости, как перевод в Некрос.

И только лорд Гаэр-аш единственный поинтересовался моим мнением. И задал вопрос не тому, кто по закону имел все права на меня, а мне... Мне!

Я, наверное, в тот момент даже немного влюбилась в этого сурового, слишком молодого для поста ректора темноволосого мужчину с внимательным умным взглядом серо-синих глаз. Такая детская наивная влюбленность в того, кто казался благородным, честным, кто отнесся к тебе не как к ве-

щи, у которой нет никаких прав...

И все мои дальнейшие успехи в учебе – я просто хотела оправдать доверие. Показать, что меня взяли не зря, что я... я...

Я даже в самом кошмарном из снов не могла представить, что тот удивительный, умный, внимательный человек, которым я восхищалась, бросит меня на постель в собственной спальне и, с холодной решимостью расстегивая пуговицу за пуговицей, будет убежденно и уверенно проговаривать, что так будет лучше...

«За что мне эта безумная, сжигающая страсть, Риа?»

Сжигающая страсть...

А что будет, если она сожжет?

И вроде глупость подумала, совершеннейшую же глупость, но по телу словно холодок пробежался... Такой легкий холодок надвигающегося ужаса!

Заставила себя просто об этом не думать. Может быть, позже, а сейчас нужно поесть, повторить учебный материал и лечь спать. Для магов-недоучек вроде меня оставаться с нулевым уровнем магии слишком опасно. Это потом, на пятом курсе, выделив целый семестр под самопознание и техники управления потоками, адептов учат закольцовывать источник, что позволяет застраховаться от выгорания. А на втором курсе опасность потерять магию была слишком реальной, чтобы проигнорировать предупреждение Норта.

И кстати, следовало бы, наверное, снять браслет с руки. В комнате Дастела бояться мне нечего – в общежитие никакой убийца проникнуть не сможет, это же Некрос, тут все жилые помещения защищены сверх меры, а энергию ИнСаар, по идее, может продолжать тянуть, так что действительно лучше было бы снять его, но... но я не хотела обижать Норта. Проклятая Тьма, я до безумия не хотела обижать Норта и в то же время боялась снова поддаться влиянию его желаний, потому что после поцелуя чувствовала вину перед Риком... и перед собой. И пусть ИнСаар способен ограничить лишь десять процентов чужого ментального воздействия, но я точно знала – войдет Норт и я снова надену браслет. Во избежание... А Норта это обидит.

И я не стала снимать артефакт. То, что не снял, надевать ведь потом уже не нужно.

* * *

Вернувшись в комнату, села за стол, взяла хлеб, который Эдвин, несмотря на спешку, успел нарезать для меня, просто я единственная, кто ел черный, намазала его маслом, налила себе чай и, взяв учебник, начала по привычке совмещать ужин с чтением заклинаний боевой некромантии. Салли пробежалась по столу и устроилась под заварником, согревая его и, видимо, не желая мешать мне.

Бутерброд был съеден наполовину, а параграф об Энори-

усе, заклинании, уничтожающем воплощение лица, прочитан лишь на треть, когда открылась дверь.

Не поднимая головы, я дожевала откушенное и, торопясь предотвратить его негодование, проговорила:

– Норт, я дочитаю и ложусь, правда. Но я сегодня со всеми этими событиями всего шесть заклинаний выучила, а нужно десять в день как минимум, ты сам говорил.

Он ничего не сказал, закрыл дверь, подошел, остановился позади меня. Я же вновь откусила от бутерброда, перевернула страничку, отложив хлеб, взяла чашку, сделала глоток и еще один, внимательно вчитываясь во фразу: «Силовое плетение заклинания «Энориус» имеет отличительные особенности пятого порядка и вплетенные в силовое плетение Энг третий и девятый потоки». Как вдруг Дастел провел ладонью по моим еще влажным и потому распущенным волосам. Провел осторожно, едва касаясь, так, будто не желал прикоснуться, но удержаться не смог.

И я поняла, что это не Норт!

– Где остальные? – прозвучал пугающе-холодный голос лорда Гаэр-аша.

Дрожь прошла по телу, горло сжало спазмом, но я все же нашла в себе силы ответить:

– Ушли решать... проблему с газетчиками...

Вздых, и ладони ректора легли на мои плечи, а сам он произнес:

– Собирайся, я перенесу тебя в женское общежитие.

Под чайничком сжалась Салли, видимо, демонстрировать свое присутствие побоялась, впрочем, я ее понимала – самой жутко и отвечать тоже самой придется. Вот только что сказать? Нет, ночевать у Норта мне не особо хотелось, но парни вернутся, а меня нет, и они переживать будут... С другой стороны, я же могу написать записку.

– Хорошо, – ответила ректору.

И попыталась подняться. Но, удержав, Гаэр-аш приказал:

– Чай допей.

После чего обошел стол и сел напротив меня.

Сказать о том, что аппетит напрочь пропал, я не решилась. Отложила недоеденный бутерброд, обеими руками взялась за чашку, стараясь не показать, как сильно дрожат ладони. И поняла, что дрожат не только руки, меня всю трясет, более того – под халатом ничего не было, и нагота сейчас ощущалась как-то особенно остро. И все, чего мне сейчас хотелось, – это одеться. И надеть на себя как можно больше всего... и сбежать. Подальше... и быстрее...

– Хватит меня бояться! – мрачно произнес ректор.

Зубы застучали о край чашки.

Мгновенно поставила ее на стол. И поняла, что накрывает паника, а это плохо. Совсем плохо. Потому что паника не то состояние, в котором сохраняется адекватное мышление, которое всегда следует беречь любому уважающему себя артефактору. Я очень боялась, что лорд Гаэр-аш сорвется и попытается продолжить то, что едва не совершил в своей

спальне. Боялась, что начнет сейчас вновь оскорблять, впрочем, нет, слов опасалась гораздо меньше, чем действий... И мне очень хотелось, чтобы вернулся Норт. Пришел прямо сейчас!

– Риаллин, – в голосе ректора слышалось раздражение, – прекрати. Да, ты сводишь меня с ума, но не до такой степени, чтобы я взвалил на себя трон и все ему сопутствующее. Перестань дрожать, я не трону тебя как минимум по причине наличия на твоём пальце кольца, которое обретет очертания, едва брак будет консумирован.

Мой испуганный взгляд метнулся к правой руке – кольца там не было видно, но я знала, что оно есть, и оно не снималось – попытки я предпринимала, и не одну. И меня очень пугал тот факт, что я, артефактор, и не могу снять какой-то артефакт. Хуже того – я его не могла даже увидеть... самой с трудом в это верится, но это так.

– В-ваше кольцо не снимается, – глядя исключительно на стол, с трудом выговорила я.

– Естественно, – холодно произнес лорд Гаэр-аш. – Это же не помолвочное кольцо, Риаллин, оно обручальное. И снять его могу только я, и только в том случае, если не завершу наш брак.

С сомнением посмотрев на некроманта, практически шепотом переспросила:

– Зззавершите?

За ледяным взглядом ректора читалась настолько сжига-

ющая ненависть, что я, испуганная до смерти, не смогла даже глаз отвести, когда он, продолжая смотреть на меня, издевательски-учтиво пояснил:

– Под завершением брака принято подразумевать первый физический контакт супругов. Так достаточно понятно, или тебе требуются более развернутые объяснения?

Вздвогнув всем телом, я отрицательно мотнула головой и срывающимся голосом потребовала:

– Снимите его с ме...

Ледяной взгляд руководителя Некроса вдруг стал крайне походить на темное, опасное предгрозовое небо, способное разразиться убийственным штормом. И я просто побоялась договаривать.

Испуганно сглотнула, вдохнула и выдохнула, стараясь успокоиться, все же набралась смелости и попросила:

– Заберите ваше кольцо... пожалуйста.

В комнате Норта сгустилась мрачная, угрожающая тишина. Затем раздался тихий, заданный с нескрываемым сарказмом вопрос:

– Риаллин, как у тебя с сообразительностью и мышлением?

Я не ответила. Гаэр-ашу мой ответ и не потребовался, он жестко продолжил:

– Мое кольцо – твоя защита, практически единственная с тех пор, как собственный Эль-таим ты безрассудно отдала Сердцу Некроса. Более того – мое кольцо и вовсе останется

твоей единственной защитой, если команда Дастела проигрывает Мертвые игры. Поразмысли над этим, прежде чем вновь озвучивать идиотские просьбы!

Мне стало обидно, причем настолько, что слова вырвались сами:

– Вас никто не просил меня защищать, лорд Гаэр-аш!

Взирала я при этом исключительно на стол перед собой, и никуда больше, и снова посмотреть на ректора просто боялась.

– Неужели? – прозвучало ядовитое.

– Именно так! – Я сжала руки, стараясь унять дрожь и понимая, что следовало бы просто смолчать и не провоцировать конфликт. – Мне не требуются ни ваше кольцо, ни ваша защита, ни...

– Прекрати.

Я прекратила.

Несколько мгновений было пугающе тихо, а затем лорд Гаэр-аш произнес:

– Я уже понял, что эти чувства ни тебя, ни меня не радуют вовсе. Прискорбно. Мне гораздо проще и понятнее было видеть в тебе золотоискательницу, и я искренне сожалею, что ты еще слишком молода, чтобы здраво смотреть на жизнь и предоставляемые тебе возможности.

Несколько томительно-долгих мгновений ректор молчал, затем тихим ровным голосом продолжил:

– Тем основательнее злит прорывающееся через гнев,

злость и обоснованную ярость восхищение, что ты против воли вызываешь. И как бы сильно ни ненавидел, я все равно покорен твоей выдержкой, готовностью отстаивать свои идеалы, талантом артефактора, честностью и способностью ставить жизнь других выше собственной... В тебя невозможно не влюбиться, Риаллин. Ты как яд медленно, день за днем, капля за каплей, проникаешь под кожу, пробиваешься в вены и прокрадываешься в кровь, сжигая изнутри этими проклятыми чувствами! Никому не нужными чувствами...

И вдруг резко выдохнув, он хрипло продолжил:

– Тем больнее осознавать, что одно твое слово, один взгляд, пусть даже не согласие, а лишь намек на него, и я смиренно положу весь этот мир к твоим ногам.

Я не хотела это слушать. Не глядя на лорда Гаэр-аша, я поднялась, торопливо начала собирать свои вещи – сначала учебники и тетради, брошенные тут в обед, так как после первой пары я пришла к Норту и занималась, пока он не вернулся. Потом из шкафа достала вешалку с платьем и мантией, с полочки сложенные чулки, и...

– Всегда стараешься игнорировать то, что не нравится? – прозвучал злой вопрос.

Я замерла, прижав платье к груди, и тихо ответила:

– Просто опасаясь, что любую иную реакцию вы можете воспринять как намек на согласие...

– Жестоко, – после секундного молчания произнес лорд Гаэр-аш.

– Простите, – единственное, что на это могла сказать я.

Он усмехнулся и иронично поинтересовался:

– И чем же тебя не устроил этот мир?

– Мир меня полностью устраивает, – потянувшись за туфельками, прошептала я.

– Мм-м, – насмешливо протянул ректор. – В таком случае единственным не устраивающим тебя элементом остаюсь я, что крайне прискорбно.

Не поднимая глаз и не будучи уверенной в том, что стоит об этом говорить, все же ответила:

– Меня устраивает мир, меня устраиваете вы... Единственное, что не устраивает и вызывает панический ужас, – ваши странные и слишком внезапно вспыхнувшие ко мне чувства.

Я наклонилась, поставила туфельки на пол, после чего, все так же не взглянув на молчавшего лорда Гаэр-аша, села на край постели, сжала ладони.

Молчал ректор долго, затем отрешенно, ни к кому не обращаясь, произнес:

– Так, значит, «панический ужас»...

И практически без перехода мгновенно задал вопрос:

– А почему вы считаете мои чувства к вам странными и слишком внезапно вспыхнувшими, Риаллин?

Вопрос был по существу, и я постаралась ответить предельно четко:

– В тот вечер, когда... – говорить об этом оказалось

неимоверно сложно, – когда мы столкнулись в запрещенной библиотеке...

– В которую вы проникли, нарушив все правила академии... – язвительно напомнил лорд Гаэр-аш.

Я кивнула, не смея отрицать очевидное, и продолжила:

– Одна из первых книг, которую вы взяли, располагалась в разделе «Окрейю» – чувства. Судя по скопившейся на месте взятых книг пыли это произошло примерно две недели назад. Затем вы воспользовались книгами из раздела «Рхеа» – это страсть. Возможно, у этого слова есть так же такие значения, как влечение или желание, я не знаю, мне известно лишь то, что «рхеа» – это страсть. И опять же, судя по пыли на месте позаимствованных вами книг, взяли вы их примерно неделю назад. А в тот жуткий вечер, – я судорожно вздохнула, – вы брали книги из раздела «Рхао». Полагаю, перевод названия этого раздела вам известен.

– Более чем, – сухо отозвался ректор.

Но затем все так же иронично-язвительно поинтересовался:

– И как же, позвольте узнать, выбранное мной увлекательное чтение повлияло на ваше мнение об излишней стремительности и странности моих к вам чувств?

Обернувшись, я недоуменно посмотрела на главу Некроса и спросила:

– А вас ничего в этих чувствах не удивляет?

Лорд Гаэр-аш очень медленно, демонстративно медленно

смерил меня изучающим взглядом с ног до головы, затем посмотрел в мои глаза и холодно ответил:

– Нет.

Развернувшись к нему всем телом, я сильнее запахла халат, нервно потеряла шею, собираясь с мыслями, и, вновь подняв взгляд на отчего-то застывшего и уставившегося на мою шею руководителя Некроса, взволнованно проговорила:

– Но как же вы можете не замечать очевидного? Две недели, всего две недели, и вы, человек с железной волей и исключительным самообладанием, оказались не способны контролировать собственные желания?

Взгляд ректора сделался каким-то... задумчивым. Странно усмехнувшись, он сложил руки на груди и, тщательно подбирая слова, произнес:

– Видишь ли, Риаллин, женщины в принципе являются тем единственным, перед чем разом пасуют и мужская воля, и мужская выдержка, и, собственно, мужское самообладание.

– Вы шутите! – потрясенно пробормотала я.

– Ничуть, – последовал мгновенный ответ.

Но, ни на миг не поверив, я все так же взволнованно продолжила:

– Вы знаете меня почти три месяца, но до недавнего времени уделяли мне внимания не больше, чем всем иным адептам Некроса. И вдруг внезапно появившиеся чувства? Вы

правда считаете, что в этом нет ничего странного?

На этот раз лорд Гаэр-аш ответил не сразу. Пристально глядя на меня, спокойно спросил:

– Что конкретно ты имеешь в виду, Риаллин?

– Не знаю, – выдохнула, не скрывая досады, и поднялась с постели.

Но затем, заставив себя вспомнить события того жуткого вечера, обессиленно опустилась на кровать, подкошенная возникшей догадкой.

– Ну и? – спросил ректор.

Ответить с первого раза я не смогла, открыла рот, и из него не вырвалось ни звука. Судорожно вздохнула, вспоминая прочитанные тогда строки, и едва слышно выдохнула:

– Эйш аггаран нуба.

– Кровь влияющая, – мгновенно перевел ректор.

А меня начало накрывать ледяной волной осознания – это я! Это все я! Норт, Гаэр-аш и, возможно, даже Рик! Тогда становится понятным, почему не подействовал артефакт отворота – магию крови подавить очень сложно. Магию крови измененной практически невозможно!

– Риаллин, – вдруг позвал лорд Гаэр-аш.

Ответить сейчас я была не в силах! Закрыв лицо дрожащими ладонями, я с ужасом вспоминала те детали, которым раньше не придавала значения! Мое первое столкновение с парнями и падение в обрыв – те толпы нежити, что ринулись на меня, их было много, слишком много! Чрезмерно много

для ощутившей обычную кровь нежить! Капли моей крови, которые Гобби использовал, чтобы устроить прорыв умертвий на полигон в нашу первую тренировку с командой...

– Риа! – в голосе ректора промелькнула тревога, но я все равно не ответила, захлебываясь накатывающим ужасом.

В ушах набатом отдавалось: «Одна капелька крови, давай, маленькая», и перед глазами мгновенно покорившийся мне волчонок. Даже не то чтобы покорившийся – полюбивший и принявший меня с первой капли моей крови, что упала на его маленький черный носик.

В следующее мгновение меня подняли, после чего ректор силой отнял ладони от моего лица, взяв за подбородок, заставил взглянуть на себя и с присущим ему хладнокровием начал задавать вопросы:

– Норт прикасался к твоей крови, когда лечил тебя?

Попыталась кивнуть, не то чтобы получилось в подобном положении, но Гаэр-аш все понял и продолжил:

– Изменилось ли его отношение к тебе? Были ли признаки резко наступившей невменяемости?

Неуверенно отрицательно мотнула головой.

– Дальше, – продолжил глава Некроса, – я, Рикьярн Тарн, Эдвин Харн и то недоразумение, что слало тебе общественно доступные любовные послания, имели доступ к твоей крови?

– Нет, – прошептала, глядя в удивительные, цвета темно-го предгрозового цвета глаза лорда Гаэр-аша, которые почему-то притягивали взгляд так, словно там, в глубине его глаз,

при взгляде на меня происходили какие-то изменения. Будто искры вспыхивали...

– Тогда о каком влиянии крови может идти речь? – задал вполне резонный вопрос ректор.

Удивленно моргнув, нахмурилась, осознавая факт несомненной правоты главы Некроса, и...

И перестала дышать, испуганно глядя в его глаза, которые... вдруг вспыхнули пламенем!

Не сиянием, не темно-фиолетовой магией некромантии – а ярко-синим огнем! Огнем! Глаза человека! Не на поверхности, не так, будто их вдруг воспламенили внешне, – это был прорывающийся изнутри огонь! Там, внутри лорда Гаэр-аша, бушевало стремительно разгорающееся неистовое пламя!

«За что мне эта безумная, сжигающая страсть, Риа?»

Эта промелькнувшая в памяти фраза стала тем единственным, что позволило мне не заорать от ужаса. Нет, страх был, он плескался во мне, отзываясь крупной, бившей все мое тело дрожью, но при этом разум четко осознавал, что совершенно не зря, с самого начала, в этой произнесенной ректором фразе меня настораживало именно слово «сжигающая».

– Риаллин, в чем дело? – хрипло спросил лорд Гаэр-аш.

Спросил, с непониманием глядя на меня пылающими синим огнем глазами. Огонь не мешал ему видеть! Огонь не доставлял ему дискомфорта. Огонь был частью его самого,

частью, которую он даже не осознавал в данный момент. А я, тяжело дыша, в ужасе смотрела на того, кто не мог быть человеком! Просто не мог! Внутри людей не пылает пламя! Люди не могут не ощущать огонь! Тем более наиболее интенсивный из всех вариантов – синий огонь!

– Риа?!

У меня подкосились ноги. Лорд Гаэр-аш удержал, в тревоге глядя на меня, застывшую от ужаса, на закусенные в попытке не закричать губы.

– Тихо, – его голос прозвучал спокойно и повелительно, – о твоей крови поговорим позже. А сейчас успокойся, можешь не смотреть на меня, если я для тебя настолько страшен, но успокойся. Давай без обмороков.

Не смотреть? Там, в его сейчас суженных от злости глазах, огонь медленно менял цвет с ярко-синего на затаившееся темно-синее пламя, гораздо более опасное, готовое полыхнуть с прежней силой в любой момент, способное выплеснуться убийственным огненным штормом при любом моем неверном движении.

Я и не стала его совершать. Я не стала делать ничего, я застыла, едва дыша и боясь даже шевельнуться.

Меня это не спасло...

Более того – это стало фатальной ошибкой.

Возможно, отшатнись я, отойди, не продолжай стоять окаменевшей от ужаса статуей, ничего бы не произошло... Но пылающий огнем взгляд лорда Гаэр-аша, убедившегося, что

обморок мне уже не грозит, скользнул по лицу вниз, на мгновение замер на губах, опустился ниже, и тот, кто просто не мог быть человеком, осознал то, что доставляло мне наибольший дискомфорт с самого момента его появления, — у меня под халатом ничего не было.

Секунда...

Одна долгая, тянущаяся словно вечность, застывшая на самом краю неизбежного падения в бездонную пропасть секунда... и воздух вспыхнул огнем! Ярким, обжигающим пламенем, расплескавшимся между полом и потолком! Растекающимся словно по невидимой многоярусной поверхности вокруг нас...

Гаэр-аш напряженно замер, поднял руку, коснулся ресниц, закрыл глаза, открыл — огонь никуда не исчез. И тот, что медленно, лениво и неотвратимо разливался в воздухе вокруг нас, не исчез тоже.

— Так, — внешне совершенно спокойно, но с едва ощутимым напряжением в голосе проговорил лорд Гаэр-аш, — так... — И тут же с явной злостью на себя: — Следовало догадаться!

— Д-догадаться о чем? — выдохнула, чувствуя усиливающееся жжение на запястье.

ИнСаар начал искать путь к спасению? Значит, огонь опасен? Смертельно опасен?! И лорд Гаэр-аш, похоже, об этом знал. Заметно побледнев, он стремительно огляделся, видимо, ища пути отхода или возможность скрыться в венах

Некроса – но их не было, ни путей, ни возможностей. Синее, ярко пылающее обжигающе-горячее пламя обступало, медленно подкрадываясь, словно было живым.

В следующий миг ректор усадил меня обратно на кровать, резким движением сорвал с себя мундир, закатал рукава темно-синей рубашки и стремительно сформировал то, на что, в принципе, в одиночку ни один некромант не способен – щит Этарны. Щит, некогда созданный магианной Этарной Шерт для защиты родного, расположенного посреди леса городка, на который надвигалось неуправляемое пламя бушующего лесного пожара. В тот день Этарна выгорела, она и еще двенадцать магов, необходимых для установки и поддержания щита. Но город они спасли, город выстоял. И ректор, использовавший невероятное плетение вообще без напряжения, выстоял. Одна маленькая проблема – синий огонь медленно, словно лениво растекся до пределов щита, легко сжег его и тоже выстоял...

– Та-а-ак, – напряженно произнес лорд Гаэр-аш.

И так же легко и естественно, словно использовал какое-нибудь легкое заклинание отпугивания слабенького умертвия, создал плетение Дакора – щит, способный сдерживать даже драконье пламя и стандартно выпивающий любого использовавшего его мага досуха. То есть маг, применивший плетение Дакора, обычно сразу после этого падал наземь как подкошенный и приходил в себя несколько суток. Гаэр-аш же продолжал стоять уверенно, оба невероятно

сильных плетения на нем вообще никак не сказались.

На пламени тоже!

Синий огонь легко поглотил зримо видимое сетчатое плетение и приблизился к нам еще на шаг. Браслет на моей руке стал обжигающим! ИнСаар ответственно сигнализировал о приближающейся смертельной опасности и требовал убраться отсюда немедленно. И я бы с радостью согласилась с его требованием, если бы была возможность выскользнуть из огненного круга.

– Собери волосы, – вдруг приказал ставший еще более сосредоточенным и собранным лорд Гаэр-аш, – и сними халат.

Я, безропотно потянувшаяся к волосам, замерла, в ужасе глядя на ректора.

– Риаллин, – прошипел он, – сейчас не до твоих испуганных глазок. Если началось то, о чем я думаю, единственным шансом спасти тебя будет полное призвание огня и попытка перенести тебя в безопасное место. То, что на твоём теле появятся ожоги, уже, к сожалению, неизбежно, но если загорится халат, повреждений будет неизмеримо больше.

Он проговорил все это ледяным, повелительным, не допускающим даже тени моего неповиновения голосом, но я все равно не пошевелилась даже, продолжая все так же с ужасом смотреть на лорда Гаэр-аша. Некромант, глухо выругавшись, схватил меня за запястье, резко дернул, заставив подняться, и рванул ворот халата вниз, обнажая мои плечи...

И в то же мгновение огонь вокруг нас оглушающе взревел,

словно дикий, безумно голодный зверь!

Застыли мы оба: я, в диком испуге придерживающая сползший халат на груди, и заметно потрясенный лорд Гаэр-аш, не отрывающий взгляда от едва одетой меня. Затем очень медленно, словно нехотя, он взглянул на дикое ревущее пламя, подобравшееся к нам уже вплотную, и еще более медленно, очень осторожно положил ладонь на мое обнаженное плечо...

Рев стал тише.

Совершенно непонятным, нелогичным, жутким образом огонь прекратил полыхать столь интенсивно, словно замер в ожидании.

– А вот это уже интересно, – задумчиво произнес ректор.

И рука его плавно двинулась к моей шее, чтобы, поднявшись по ней, прикоснуться большим пальцем к моим губам...

Рев пламени стих.

Очень медленно, неотрывно глядя в мои широко распахнутые от ужаса глаза, лорд Гаэр-аш убрал руку, перестав меня касаться.

И огонь стремительно начал разрастаться, заполняя всю комнату, поджигая оставленные на столе листы бумаги, подбираясь еще ближе к нам...

– Так, – голос главы Некроса был очень спокоен и звучал даже как-то отстраненно, – а теперь без слез, истерик и возражений обними меня.

Я стояла, все так же в ужасе глядя на некроманта и боясь пошевелиться. Потому что это огонь стих, едва ректор ко мне прикоснулся, а вот артефакт при его прикосновении раскалился, практически сжигая кожу на моем запястье, силась предупредить об опасности, причин которой я не могла понять.

– Риаллин, – с нажимом произнес ректор, – я сказал без истерик и возражений обними меня. Сейчас.

Нервно огляделась – растекшийся в воздухе огонь набирал силу, грозя спалить тут все дотла. Но едва я, подчинившись приказу, обняла напряженного настолько, что он казался каменным, лорда Гаэр-аша, кожу под браслетом обожгло жуткой болью. Столь сильной, что я с трудом сдержала крик. ИнСаар настойчиво требовал остановиться, прекратить то, что было неправильным, грозящим мне страшной опасностью, иначе браслет не реагировал бы так. Но огонь вокруг нас начал медленно стихать, уменьшаясь, растворяясь в воздухе, рассеиваясь пласт за пластом. И исчез окончательно, едва лорд Гаэр-аш бережно обнял меня, с нежностью прижав к своему телу.

Я очень отстраненно ощущала тепло его сжавших меня рук, едва ли чувствовала те легкие поцелуи, которыми некромант покрывал мои волосы, успокаиваясь после произошедшего и пытаясь успокоить меня.

Но никакое спокойствие на меня не снисходило. Я чувствовала только дикую боль от сожженной кожи на запястье,

похолодевший и ставший каким-то безжизненным браслет и осознание чего-то непоправимого и уже свершившегося, что неожиданной пустотой разливалось в груди.

Словно я что-то теряла. Стремительно и безвозвратно. Что-то настолько важное, что пустота, медленно расползающаяся внутри меня, причиняла практически боль.

– Риаллин, успокойся, уже все закончилось, в дальнейшем постараюсь держаться подальше от тебя, и подобное тебе больше не придется наблюдать, обещаю, – произнес лорд Гаэр-аш.

Едва ли я расслышала его слова.

Странная пустота внутри меня становилась все больше и больше, какая-то сосущая, давящая, она разрасталась, будто степной пожар, оставляющий после себя только черную выжженную землю...

– Риа? – Ректор, взяв за подбородок, заставил взглянуть на него, и во взгляде его вновь нормальных глаз промелькнула тревога. – Риа, что с тобой?

Я не знала, лишь отчетливо ощущала – что-то страшное.

– Девочка моя, ты меня слышишь? – напряженно спросил глава Некроса.

Слышала. Очень отдаленно, как прозвучавший где-то вдали раскат грома в вечернем небе...

– Я настолько сильно тебя испугал? Риа? Не молчи, пожалуйста. – Ректор с тревогой вглядывался в мое лицо. – Да что с тобой?

И словно в ответ на его вопрос, в сознании росчерком молнии вспыхнули слова Норта: «У тебя магия на нулевом уровне, фактически на пределе».

– Нет... – в отчаянии простонала я, начиная осознавать, что происходит, – нет, Тьма, пожалуйста... нет...

Вырвавшись из объятий Гаэр-аша, дрожащими пальцами попыталась расстегнуть браслет, понимая, что он продолжает тянуть магию, восстанавливая свой резерв, и не смогла... Пальцы соскользнули, не сумев подцепить замочек, а я начала падать, чувствуя, как начинает гореть все внутри.

Выгорание – очень точный термин...

Я никогда не могла понять, почему именно так называют потерю магии... теперь почувствовала на себе...

Тьма, за что?!

Тьма, словно желая дать мне ответ на вопрос, стремительно накатила, укутывая, убаюкивая, унося боль, что нестерпимо жгла в груди...

Глава четвертая. Магия крови

Мне снился сон. Один из тех добрых светлых снов о жизни с дядей Тадором, после которых весь день хотелось улыбаться. Во сне я, поджав босые ноги, сидела на теплом камне, держа потрепанную временем книгу на коленях, а дядя Тадор лежал в траве рядом и, глядя в небо на проплывающие пушистые облака, задумчиво жевал травинку, ожидая моих вопросов по прочитанному материалу.

«Почему маги выгорают?» – прозвучал мой по-детски звонкий голос.

«По многим причинам, – с готовностью начал дядя Тадор. – Большинство в слишком юном возрасте, не научившись контролировать свой дар, это процентов девяносто утративших магию. Еще один процент – те, кто, переоценив свои силы и возомнив себя демоном, бросил собственный источник в пламя гордости. А девять оставшихся процентов, Риа, это великие маги. Маги, пожертвовавшие собой ради спасения других. Маги, чьим именам полагается числиться в скрижалях героев... Но тот, кто действительно достоин славы, неизменно от нее отказывается. И все же их имена живут, ты встретишься с ними, и не раз, изучая наиболее опасные из плетений и заклинаний, перелистывая историю Всеобщей магии. И именно их имена будешь вспоминать, каждый раз пересекая границы допустимого в классической

артефакторике».

Я, перевернув тяжелую страницу книги, посмотрела на дядю Тадора и тихо спросила:

«А если я выгорю?»

«Ты? – Он лукаво глянул на меня своими теплыми карими глазами и загадочно ответил: – Запомни, девочка моя, в твоей жизни для разрешения большинства проблем будет достаточно лишь капельки твоей крови».

«Как с волчонком?» – тут же спросила я.

«Как с волчонком», – улыбаясь подтвердил дядя Тадор.

* * *

И я открыла глаза.

Надо мной горели десятки маленьких синих огоньков, таких, словно их только что срезали с фитиля свечи. Они мерцали, вздрагивая в воздухе, и давали яркий, чуть рассеянный свет, который терялся в балдахине над постелью, словно растворяясь в складках черной ткани...

– Очнулась твоя бабочка, – раздался неприятный скрипучий голос. – Скажешь ей все сам. В конце концов, сам сжег, сам и скажешь.

Я медленно повернула голову и увидела лицо того самого старика-целителя, который являлся дедушкой лорда Гаэр-аша. Выглядел сейчас мужчина странно – домашний халат, совершенно черные и никак не седые волосы, изрезанное

глубокими морщинами лицо и серо-синие, абсолютно лишенные старческой мутности глаза. И эти глаза старик мгновенно отвел, словно не хотел встречаться со мной взглядом.

А затем тихо выругался, помянув разом Тьму, внутренности прогнивших умертвий и почему-то глаз злейшего врага, а закончил все, хрипло сказав:

– Что ж ты смотришь, девочка? Не смотри, не могу я тебе помочь. Хотел бы, сам удивлен, что хотел бы... а не в силах.

Он развернулся и как-то сторбенно ушел, хотя я точно помнила, что осанка у этого полусумасшедшего целителя была по-военному прямой.

Дверь за стариком закрылась, и в следующее мгновение меня осторожно взяли за руку.

– Все будет хорошо, – голос лорда Гаэр-аша дрогнул, – все будет хорошо, Риаллин.

Повернув голову, я собиралась спросить, что я тут делаю и в целом что происходит, но стоило взглянуть на главу Некроса, и слова застряли в горле.

У меня. А Гаэр-аш все так же напряженно продолжил, осторожно держа мою ладонь:

– Я владею замком на берегу Эринейского моря. Там очень красиво, мое сокровище, всегда светит солнце, а в воздухе витает аромат цветущих персиковых садов. Это место, в которое влюбляются с первого взгляда, и ты непременно полюбишь его. Я...

Он не договорил, заметив мою осторожную попытку вы-

свободить свою руку из... ладони? Нет, это, безусловно, была ладонь, вопрос лишь в том – чья? В смысле, человеческая или?.. Что-то мне подсказывало, что ответом на вопрос будет как раз пресловутое «или», потому что это не было человеческой рукой. Заметно удлинившиеся, ставшие жилистыми пальцы выглядели так, словно могли теперь с легкостью гнуть железо, и венчали их немного измененной формы совершенно черные ногти. Нет, у большинства некромантов, конечно, принято красить ногти в черный цвет, но, во-первых, Гаэр-аш был не из тех сторонников классической некромантии, что носят длинные волосы, подводят глаза черным углем и дважды в месяц делают себе неизменно обсидиановый маникюр, а во-вторых, я могла поклясться, что это был не лак!

– Риаллин, успокойся, это всего лишь мои руки, – напряженно произнес ректор.

– Я-яаа в-вижу, что не чужие, – прошептала, нервно отодвигаясь подальше от... главы Некроса?!

Перестала в ужасе таращиться на его ладонь, перевела взгляд на лицо и... и теперь во все том же ужасе и все теми же широко распахнутыми, ощутимо округлившимися от потрясения глазами взирала на ректора.

Глава Некроса изменился, причем изменился как-то неуловимо, не столь явно, как его руки, но все же... Потемнела кожа, заострился нос, приобрели ожесточенное выражение черты лица. Нет, Гаэр-аш все так же был Гаэр-ашем,

но сейчас каким-то другим. Опасным. Хищным. Станным. Сильным. Сильным настолько, что это ощущалось на каком-то подсознательном уровне, и я, даже не задумываясь о своих действиях, снова осторожно отодвинулась, желая оказаться как можно дальше от такого Гаэр-аша. И потом еще... и еще немного... и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.